

КИКИМОРА БОЛОТНАЯ

Ирина Мясникова

Ирина Николаевна Мясникова

Кикимора болотная

Серия «Женские истории»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3946975

Кикимора болотная: роман: ЗАО Издательство Центрполиграф;

Москва; 2012

ISBN 978-5-227-03788-6

Аннотация

Еще мама Таси Семеновой, прозванная домашними непутевой, наметила этот рискованный курс – идти навстречу своей мечте. И теперь живет в Италии, богатый муж ее обожает. Далее проверенным фарватером проследовала и Тася. Конечно, не без потерь и разочарований. Зато сейчас все при ней: ответственная работа в процветающей фирме, умная дочь, верные подруги, молодой любовник, влиятельные покровители. Однако Тасе продолжают сниться то таинственный лес, то диковинный зверь с хрустальными глазами... Душа томится и просит настоящей любви.

Однажды на совещании генерального директора Тася надерзила важному заказчику. А потом ругала себя – и человека зря обидела, и себя в неприглядном свете выставила. Тем более что владелец крупного химического производства, сняв очки,

взглянул на Тасю хрустальными глазами из волшебного сна. Что-то будет...

Содержание

НЕПУТЕВАЯ МАМАША	5
МЕЛКИЕ ПАКОСТИ	34
ВЕРА И ЕЕ СЕЛЬДЕРЕЙ	73
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Ирина Николаевна Мясницкая Кикимора болотная НЕПУТЕВАЯ МАМАША

Мамаша Таси Семеновой была женщиной совершенно непутевой – так говорила Тасина бабушка Евдокия Петровна, то есть мамина мама. Тася с бабушкой никогда не спорила. И не только Тася. С бабушкой вообще никто никогда не спорил. Еще бы! Ведь спорить с Тасиной бабушкой было просто бесполезно. Бабушка была всегда права. Это все доподлинно знали – и дед, и сама непутевая мамаша, и соседка по лестничной клетке, и даже дворничиха. Тем более что бабушка не просто называла мать непутевой, как, например, Ленин в свое время обзывал Троцкого бешеной собакой, а конкретно обосновывала этот факт. Чуть ли не по пунктам. Ну, во-первых, непутевая мамаша принесла Тасю своим родителям совершенно неожиданно и, можно сказать, попросту в подоле, что по тем временам каралось некоторым общественным осуждением. Случись такое во времена бабушкиной молодости, Тасину мамашу заклеямили бы позором и окружили презрением. А так она отделалась только немым

укором своих родителей и сочувствием подружек. Вопрос о том, кто является Тасиным отцом, так до сих пор и остался невыясненным. На все вопросы об отце ее ребенка непутевая мамаша отвечала либо каменным молчанием, либо какими-нибудь шутками-прибаутками. Даже отчество Тасе в результате записали по дедушкиному имени – Михайловна. Во-вторых, непутевость Тасиной мамы проявилась еще и в том, как она назвала своего ребенка. А назвала мама ребенка не как-нибудь, а Анастасией. И все бы ничего, имя-то, можно сказать, очень даже красивое, но на этом дело не закончилось. В один прекрасный момент непутевая мамаша вдруг очень удивилась, что замечательное имя Анастасия чрезвычайно популярно среди других молодых мамаш, и куда ни посмотри, везде окажется маленькая Настя. Даже в очереди к врачу в детской поликлинике одни Настя сидели. Ну, не совсем одни, конечно, пара Стасиков там еще присутствовала. После такого открытия мириться с заурядностью данного ребенку имени непутевая мамаша физически не смогла. Она переименовала Настю в Стасю, в результате чего начала страшным образом ругаться и с воспитательницами в детском саду, и со своими родителями, то есть с Тасиными бабушкой и дедушкой, ну, и со всяким, кто ей под руку подвернется, требуя, чтобы ребенка называли исключительно Стасей. Самому ребенку на это было совершенно наплевать. Девочка одинаково радостно отзывалась и на Настю, и на Стасю. Но упорство непутевой мамы сделало свое де-

ло, и Анастасия все-таки стала общепризнанной Стасей. Со временем из-за того, что другим детям было трудновато произносить такое заковыристое имя, первая буква в Стасином имени как-то затерлась, и Стася постепенно заменилась Тасей. Да так и осталась. Нет, когда Тася выросла, на работе, конечно, ее все называли Анастасия Михайловна, а вот свои люди прекрасно знали, что в быту она зовется Тася, а никак не Настя.

Ну и, в-третьих, мамашина непутевость проявила себя в полный рост, когда Тасе исполнилось четыре года. Мамаша где-то подцепила богатого итальянца, сочеталась с ним законным браком и укатила в солнечную Италию. Итальянец был в солидном возрасте, имел взрослых детей от предыдущих браков и видеть в своем доме маленькую Тасю со всеми ее детскими соплями категорически не захотел. В результате Тасю растили и воспитывали бабушка с дедушкой. Потом непутевая мамаша, конечно, развелась с этим вредным макаронником и вышла замуж за нормального мужичка, правда, тоже итальянца и, разумеется, тоже богатого. Этот итальянец, в отличие от предыдущего, относился к детям очень даже благосклонно. Он сам предложил забрать ребенка к себе и, более того, выразил готовность удочерить Тасю, однако тут уже дедушка с бабушкой показали своим итальянским родственничкам большой кукиш. Дед велел, чтобы ноги непутевой мамашы в его доме больше не было, и строго-настрого запретил бабушке поддерживать с ней какие-ли-

бо отношения, кроме материальных. Содержать собственного ребенка дед непутевой мамаше все-таки не запретил, она присылала деньги для Таси и разные подарки. Сколько там было денег, Тася не ведала, бабушка говорила, что денег много, выше крыши, но Тасю больше всего интересовали подарки. Тасе эти подарки очень нравились, ведь непутевая мамаша всегда откуда-то знала, чего Тасе хочется больше всего. Будь то плюшевый медведь или модные солнечные очки. Когда Тасе исполнилось десять лет, у непутевой мамы и ее итальянского мужа родился собственный общий ребенок, и у Таси появился брат Антонио, которого она никогда не видела, но очень хотела увидеть. Брат этот болел какой-то странной врожденной неизлечимой болезнью, и непутевая мамаша находилась при нем неотрывно. Но даже тяжелая болезнь неизвестного итальянского внука не смогла заставить деда изменить отношение к непутевой Тасиной мамаше. И бабушке повидаться с внуком он тоже не разрешал.

Тася совершенно не помнила свою непутевую мамашу, но скучала по ней и жалела ее, однако, став взрослой, начала мало-помалу осуждать. Видимо, дедово отношение к дочери все-таки сделало свое дело. Тася поклялась себе, что уж это ребенок никогда не будет лишен полноценной семьи. Ей очень хотелось, чтобы у ее ребенка были и мама, и папа, и дедушка с бабушкой. В душе Тася лелеяла надежду, что когда-нибудь дедушка с бабушкой все-таки простят непутевую мамашу, и семья счастливо воссоединится.

Незадолго до окончания института Тася вышла замуж за своего однокурсника Андрея Зайцева, который был родом из белорусского городка под названием Ельск. Тася познакомилась с Андреем на институтской дискотеке и влюбилась в него по уши. Андрей был очень красивым и загадочным, выглядел как граф в ссылке. Ну или как принц в изгнании. Вокруг него крутились разные девчонки, но он своими синими глазами смотрел только на Тасю. И не просто смотрел, а как-то по-особому проникновенно. Так она стала Тасей Зайцевой.

Бабушке с дедом Андрей Зайцев, несмотря на всю его красоту, откровенно не понравился, но они пошли навстречу любимой внучке и потеснились, прописав Андрея в свою замечательную квартиру в центре славного города Петербурга. Через год после свадьбы Тася родила девочку, которую назвала Евдокией в честь бабушки. Андрей, правда, противился и требовал, чтобы дочку назвали Кристиной. Он даже устроил по этому поводу небольшой скандал. Хлопал дверями и дулся аж две недели. Однако у Таси на имя Кристина был стойкий рвотный рефлекс. Тем более что Кристина Зайцева звучало практически как Бриджит Петрищева или Руслан Козлов. Это, можно сказать, была их первая серьезная стычка с Андреем. После рождения дочери случился странный прорыв в их отношениях, и они уже ругались практически постоянно. Причем любой мало-мальский скандал заканчивался обыкновенно тем, что Андрей переставал разго-

варивать с Тасей и ходил гордый и надутый, а Тася никак не могла понять, зачем и с какого перепугу она вышла замуж за этого недалекого, занудного и капризного индюка. Ведь все же вокруг говорили ей, что она делает ошибку, однако она и слышать ничего не хотела. Видимо, после родов у Таси с глаз спала какая-то волшебная пелена, благодаря которой Андрей Зайцев казался ей пределом мечтаний любой женщины. Но, вспоминая далекое детство, прошедшее при полном отсутствии родителей, Тася терпела наличие Андрея в своей жизни, объясняя самой себе, что делает она это исключительно ради блага Евдокии. Опять же она очень боялась выглядеть в дедушкиных глазах такой же непутевой, как и ее мамаша. Ведь дедушка с бабушкой проповедовали семейные ценности и тоже терпели Зайцева в своем доме, однако все больше и больше времени старались теперь проводить на даче. Благо дача у них была – дай бог каждому! С паркетными полами и всеми удобствами. Даже рояль на той даче присутствовал, чем нестерпимо раздражал Зайцева, как бездарное вложение денежных средств. На рояле никто не играл, он в свое время был куплен для непутевой мамашы, у которой был абсолютный слух и талант к музыке. Зато ни у Таси, ни у Зайцева, ни у Дуськи никакого слуха вовсе не было. Но дед рояль продавать не дал. Мол, неизвестно еще, как жизнь повернется, вдруг в их семье объявится некто, умеющий играть на рояле.

Когда Дусе исполнилось десять лет, бабушка с дедушкой

на своих стареньких «жигулях» по дороге с дачи попали в аварию с участием бетономешалки и умерли, не приходя в сознание, в больнице скорой помощи.

В ночь накануне похорон Тасе впервые приснился загадочный сон. Во сне в серебристом свете огромной луны она мчалась сквозь диковинный лес по каменистой дороге верхом на огромном звере, похожем на кота. Толком зверя Тася не разглядела, она видела только его серебристый залив, острые небольшие ушки и огромные лапы, которые стучали когтями о камни. И еще дыхание. Зверь дышал как-то странно «уфф-фуу, уфф-ффу», как аппарат искусственного дыхания.

Сон запомнился Тасе своей четкостью и реалистичностью. Проснувшись, Тася сразу даже не поняла, где находится. Потом вспомнила и расплакалась. Ведь во сне ей было хорошо и спокойно, смерти родных не существовало, была только дорога и мерный стук когтей по камням.

На похороны примчалась непутевая мамаша, и Тася впервые в сознательном возрасте ее увидела. Непутевая мамаша была похожа на настоящую итальянку. Во всяком случае, Тася именно такими себе всегда представляла итальянок. С огромной гривой слегка вьющихся длинных милированных волос, с хриплым голосом, сильной жестикуляцией, загорелая, худощавая, элегантно одетая и с большим количеством дорогих золотых украшений, казалось, что она только что сошла со страниц модного журнала. Непутевая мамаша была

настоящей красавицей, выглядела очень молодо и никак не была похожа на мать тридцатитрехлетней дочери и бабушку десятилетней внучки. На похоронах она не проронила ни единой слезинки, просто стояла с каменным лицом и глядела в пространство. Тасе ее непутевая мамаша очень понравилась, но она не знала, как себя с ней вести. Кроме них двоих, на похоронах никого не было. Зайцев остался дома с Дусей, чтобы не травмировать ребенка, а близких друзей у бабушки с дедом в принципе и не было. Слишком они были поглощены друг другом и Тасей. Близкие же подруги Таси обе были в отъезде, а кроме того, за время ее замужней жизни они как-то отдалились друг от друга. Надо сказать, что Зайцев приложил к этому массу усилий. Видимо, не хотел делить Тасю ни с кем.

Вечером после похорон Тася с непутевой мамашей сидели на кухне и глядели друг на друга. Вдруг непутевая мамаша погладила Тасю по голове, и Тася, не выдержав, разревелась.

– Не реви! – сказала непутевая мамаша. – Их этим не вернешь и ничего в нашей с тобой жизни не изменишь, так что нечего душу рвать. Знаешь, они ведь, как в сказке, жили счастливо и умерли в один день. Вот только подольше бы! Водка есть у тебя?

– Есть. – Тася кинулась к холодильнику.

Конечно же водка в холодильнике была, но и кроме водки Тася накануне приготовила большую кастрюлю салата оливье на тот случай, если вдруг на похороны придут еще ка-

кие-то люди и надо будет устраивать поминки. Однако в холодильнике кастрюли с салатом не оказалось. Тася заглянула в посудомойку, там она и красовалась, немытая и совершенно пустая.

«Вот скотина!» – подумала Тася. Ясно было, что салат сожрал Зайцев, оставив нетронутыми борщ и котлеты. Наверное, как обычно, лень было разогреть. Она достала из холодильника початую бутылку водки, поставила ее перед непутевой мамашей и захлопотала, собирая немудреную закуску. Слава богу, помидоры с огурцами Зайцев милостиво не тронул. Тася кинула котлеты на сковородку и достала из буфета банку маринованных маслят, заботливо сделанных бабушкой этой осенью. Тут она опять захлопала носом.

– А! «Смирновская», любимая папина. – Непутевая мамаша достала сигареты и закурила. – Кончай носом хлюпать, давай лучше выпьем.

Тася разлила водку и тоже достала сигареты.

– Давно куришь? – поинтересовалась непутевая мамаша.

– Год, как бросила, а тут опять закурила. Не удержалась.

– Понятно. Ну, царствие им небесное! – Непутевая мамаша перекрестилась и залпом выпила рюмку. Тася последовала ее примеру.

В этот момент в дверях кухни в мятых штанах и рваной тельняшке показался Зайцев. Не иначе как притащился на запах котлет. Он хмуро поглядел на Тасю и завел какую-то бодягу о вреде курения и употребления алкоголя, особенно

в присутствии в доме ребенка. При этом он сам достал сигарету из Тасиной пачки и плеснул себе водки, только не в рюмку, а в стакан, и уселся за стол.

– Учит тебя? – спросила непутевая мамаша, когда Андрей закончил свою праведную и невероятно скучную речь.

Тася кивнула.

– И часто?

– Есть такое дело, – ответила Тася со вздохом.

Во время этого разговора обе они на Зайцева не смотрели.

– По всему видать, что муж твой – великий учитель! Можно сказать, товарищ Ким Ир Сен. Идеи чучхе и все такое прочее. – При этих словах непутевая мамаша подняла вверх указательный палец, украшенный дорогим кольцом. – Налей-ка мне, дочка, еще. Скажи, а это у тебя который муж?

– В смысле? – Тася удивилась материнскому вопросу.

– Ну, по счету. Первый, второй, третий?

– Первый.

– Оно и видно – такой неказистый. – Непутевая мамаша махнула рукой с сигаретой в сторону Зайцева и выпила свою водку.

– Позвольте! – явно удивился и возмутился Зайцев. Лицо его даже пошло красными пятнами.

Тася опрокинула в рот свою рюмку и пьяно хихикнула. Уж чего-чего, а назвать ее мужа неказистым было никак нельзя. Андрей Зайцев был высок и красив, хоть сейчас на рекламный плакат. Конечно, если подстричь да приодеть. Ан-

дрей считал, что настоящий мужик не должен уделять большого внимания своей внешности, поэтому ходил лохматый, небритый и ка кой-то весь помятый. Тася никак не могла понять, как он доводит до такого затрапезного состояния все красивые и дорогие шмотки, которые она ему покупала. Тасе было очень неудобно, если они с Андреем вынуждены были куда-нибудь пойти вместе, поэтому она периодически покупала ему приличные вещи, которые он волшебным образом моментально замусоливал. А с другой стороны, как еще должен выглядеть принц в изгнании? Ему ж совершенно без разницы, в чем на диване перед телевизором лежать и думать свою думу о сложности бытия и непризнанности некоторых гениев.

– Ты не согласен? – удивленно поинтересовалась у Зайцева непутевая мамаша.

– Конечно, не согласен! По какому праву вы меня тут оскорбляете? Вы пришли в гости, а гости себя так не ведут. Гости должны хотя бы из вежливости проявлять уважение к хозяевам.

И он опять понес ахинею про правила поведения и приличия. Тасе очень захотелось дать Зайцеву сковородкой по голове. Вообще, на этом желании она себя не раз уже ловила в течение нескольких последних лет их совместной жизни. Непутевая мамаша внимательно слушала чушь, которую нес Зайцев, а Тасе стало неудобно перед матерью и стыдно за себя.

– Да кто же тебе сказал, что я в гостях? Я-то как раз у себя дома. Это ты, зять, в гостях у меня да у дочки моей. Так что веди себя прилично, нечего тут нам нотации читать. Они никому не интересны. Сходи лучше на себя в зеркало посмотри, приведи патлы свои в порядок да оденься поприличней, прежде чем к женщинам являться. Ну, и побрейся, что ли! – Непутевая мамаша прикурила новую сигарету и подмигнула Тасе.

Тасе нравился хриплый голос непутевой мамашы, ее интонации, то, как она держала сигарету, и то, как она разговаривала с Зайцевым. Бабушка с дедом в силу своей воспитанности и интеллигентности явно не хотели с ним связываться, а по непутевой мамаше было видно, что она прошла огонь и воду. Если что, миндальничать не будет. Короче, Тасе ее непутевая мамаша очень даже нравилась и явно не нравилась Тасиному супругу. Тот свирепел прямо на глазах.

– Бриться я буду, когда посчитаю нужным, – прорычал он. – В мужчине это не главное.

– Это точно! – согласилась с ним непутевая мамаша. – Не главное! Тогда объясни мне, раз ты такой умный, что ты можешь путного предложить своей жене? Непременно мужского!

– Я отец ее дочери, – с пафосом в голосе провозгласил Зайцев.

Тася не удержалась и покатила со смеху. Действительно, без мужского в рождении ребенка никак не обойтись.

– И все?! – Красивые брови непутевой мамыши взлетели наверх. – Или ты сидишь целыми днями с ребенком, делаешь с ней уроки, возишь на разные кружки и бассейны?

– Еще чего! Этим женщины заниматься должны.

– Ага! Значит, ты с утра до вечера убиваешься на работе, как приличный папа Карло, чтобы у твоей дочери были все эти кружки и бассейны, а твоя жена могла бы целыми днями спокойно заниматься ребенком?

Из этих слов непутевой мамыши Тася поняла, что та полностью в курсе жизни своей дочери и знает о ее проблемах. Видимо, бабушка все-таки тайком от деда поддерживала связь с Тасиной непутевой мамашей.

– Знаете, не всем так повезло, как моей жене. Это ее дедушка на денежную работу пристроил, а мой дедушка в Белоруссии, и возможностей у него пристроить меня в Питере попросту нет! – с обидой в голосе доложил Зайцев.

– Ну, насколько я знаю своего отца, если бы было чего пристраивать, то он бы и тебя пристроил. Ни разу не сомневаюсь. Значит, тебе и работодателям предложить нечего, – усмехнулась непутевая мамаша. – А в Белоруссию к своему дедушке, чтобы денег заработать, ты, как я погляжу, ехать не собираешься?

– Нет, слушайте, чего это вы, собственно говоря, на меня наезжаете? – возмутился Зайцев. Таким обиженным Тася своего мужа еще никогда не видела. Самое время ему уйти, хлопнув дверью, и не разговаривать потом с Тасей как ми-

нимум месяц. Хотя если судить по нанесенной ему обиде, то и все два! Деньгами в Тасиной семье его еще никто никогда не попрекал. Стеснялись.

– Я не наезжаю, а пытаюсь разобраться, на кой хрен ты нужен моей дочери. Ты даже как содержанец у нее на шее ни на что не годишься. Ходишь лохматый и небритый. Мятый вон весь какой-то. То есть жизнь жене своей не украшаешь, ручки-ножки не целуешь, да еще и нотации читаешь! Лучше собаку завести. Она и с виду приятная, и помалкивает, когда ее не спрашивают.

– Это вы меня сейчас альфонсом, что ли, обозвали? – Зайцев вскочил из-за стола, с грохотом уронив табуретку.

– Ага! Только не обозвала, а констатировала факт, – твердо сказала непутевая мамаша, спокойно глядя в глаза взбешенному зятю.

Зайцев грохнул стакан об пол и выскочил из кухни, хлопнув дверью.

– И ведет еще себя не как мужчина, а как истеричная гимназистка! – Непутевая мамаша развернулась к Тасе. – Ну а ты чего молчишь? Так и будешь с этим козлом всю жизнь маяться? Только не говори мне, что любишь его всепоглощающей любовью и ни минуты не можешь прожить, чтобы не видеть эту самодовольную небритую рожу!

– Не, не скажу. – Тасино лицо само по себе расплылось в дурацкой улыбке. – Здорово ты его отчехвостила. Я на самом деле уже устала с ним даже разговаривать. Как начнет нудеть,

так хоть иди и вешайся!

Тася собрала осколки стакана и выкинула в ведро.

– Так а чего не выпрешь этого фраера к чертовой матери?

– А Дуська?

– Чего Дуська?

– Девочке нельзя без отца, она несчастной вырастет.

– Дура ты, Стася! Девочка несчастной вырастет, если будет думать, что ее муж должен быть таким же придурком, как и ее отец!

– А кто мой отец? – Тася сама не ожидала от себя такой смелости. Она замерла, глядя на красивое лицо непутевой мамыши. Та ухмыльнулась.

– Да кто его знает! Но уверяю тебя, что он точно не нефтяной магнат, не арабский шейх и не наследный принц. – Непутевая мамыша почесала затылок в красивой густой гриве волос. – Хотя, если приглядеться, ты очень на одного киноактера популярного смахиваешь. Вот только фамилию его я забыла. Ну, как его?

Непутевая мамыша защелкала пальцами, делая вид, что вспоминает фамилию артиста. Тася развеселилась. И чего, спрашивается, дед так на нее взъелся? Она же умная, веселая и очень на самого деда похожа.

– Давай, Стася, лучше еще водки выпьем, что ли? Мне ведь завтра улетать, а мы еще ни в одном глазу.

Тася разлила водку по рюмкам и выложила горячие котлеты на большую тарелку. В кухне нарисовалась Дуська.

– Выпиваете, бабоньки? – поинтересовалась она, усаживаясь за стол.

Непутевая мамаша расхохоталась:

– Выпиваем, Дусенька! Бабушку с дедушкой поминаем да за жизнь разговариваем.

– Тогда и мне налейте. – Дуська тяжело вздохнула.

– Тебе, Дусенька, еще нельзя, ты – растущий организм. Вот вырастешь, тогда и нальем. А сейчас чайку лучше попей или сока. – Непутевая мамаша погладила Дуську по голове. У Дуськи были точно такие же красивые и густые волосы, как у непутевой мамыши.

– Теперь ты моя бабушка будешь? – поинтересовалась Дуська.

– Я! У тебя возражений нет?

– Нет! Ты красивая и на старушку не похожа. Только вот ты улетишь в свою Италию и к нам носа больше не покажешь, – поджав губы, горестно заявила Дуська.

Тася и непутевая мамаша уставились на Дуську, в голосе которой явно сквозили интонации Тасиной бабушки Евдокии Петровны.

– Улечу, Дусенька! Обязательно улечу. У меня там сыночек больной один остался. Он ведь, кроме меня, никому больше не нужен. А вы с мамой ко мне потом, как соберетесь, обязательно прилетите. У меня дом большой и бассейн там есть. И озеро. Небольшое, но очень красивое.

Дуська вопросительно посмотрела на Тасю.

– Зуб даю! – сказала Тася, для убедительности засунув палец в рот и чпокнув щекой.

Дуська заулыбалась.

– Ну, тогда наливайте мне соку! И котлетку давайте. Я этот салат оливье, который мне папа давал, не очень-то и люблю. Там горох.

Тася кинулась исполнять дочкину команду, а непутевая мамаша смахнула слезу со своих гигантских ресниц.

– Дуся! А можно я буду называть тебя Докси? – поинтересовалась она у внучки.

Дуська застыла с открытым ртом.

– Клево! А то меня как только в школе не дразнят. – Она сурово посмотрела на мать. – Представляешь, твоя доченька меня Дусей назвала!

– Ну, ведь это же в честь бабушки. Правда, согласна, имя несколько старомодное. Стася, чего это тебя так расколбасило?

При этих словах непутевой мамашы Дуська захихикала, а Тася задумалась, не рано ли она пообещала дочери поездку к бабке в Италию. Чему хорошему ее ребенка может научить такая непутевая бабушка?

– Отец хотел Дуську Кристиной назвать! – честно призналась Тася.

– Б-е-е-е! – хором сказали Дуська и непутевая мамаша.

Тася сразу же успокоилась. Похоже, вкусы у них в семье одинаковые.

– Евдокия – имя очень красивое, но это по паспорту и когда, как мама, начальницей станешь. А пока будешь Докси.

– Мам! Слышала, что бабушка говорит? Я теперь Докси.

– Да ради бога! Хоть Пукси! А сейчас поела и проваливай в свою комнату. Мы тут с бабушкой накурили.

– Ну-ну! Шушукайтесь, шушукайтесь! – Дуська выползла из-за стола и неохотно направилась к двери.

– Пукси! И помни, что площадь уха слона напрямую связана со временем, которое он проведет в углу. – Тася погрозила дочери пальцем.

– Вот еще! Охота мне ваши бабские разговорчики слушать. – С этими словами Дуська плотно закрыла за собой дверь.

– Подслушивает? – удивилась непутевая мамаша.

– Еще как! – Тася выглянула за дверь, но в коридоре было пусто. Она уселась за стол напротив непутевой мамыши, и ей опять захотелось реветь.

– Плаксам не наливаем. – Непутевая мамаша сунула ей под нос пачку с сигаретами. – Я, кстати, как курить начала, так и вовсе хныкать перестала. А раньше дня не было, чтоб не ныла. Особенно если трояк по математике получала. Я математику страсть как люблю, а мне отметки за грязь в тетрадке снижали.

– Мне тоже. – Тася поняла, что они с матерью совершенно не знают друг друга, но при этом очень похожи.

– Стаська! Не дури, не трать время. Твоя молодость и кра-

сота уходят с каждым годом. Разводись со своим павлином щипаным. Ищи нового мужика и живи счастливо. Цигель, цигель! – Непутевая мамаша постучала длиннющим бледно-розовым ногтем по циферблату своих дорогих часов.

Тася вздохнула.

– Чего вздыхаешь?

– Да я и сама об этом уже думала. Мочи моей нет больше, но боюсь, он квартиру делить начнет. Особенно когда деда не стало. Устроит мне тут коммуналку.

– С какого перепуга? Квартира приватизирована на тебя и бабушку с дедом, слава богу, до того, как его прописали. И тебе по наследству принадлежит. Вернее, бабушкина и дедушкина доли мне принадлежат. Я тебе вышлю нотариально оформленный отказ в твою пользу или подарю после вступления в наследство. Надо с адвокатом моим посоветоваться, как лучше сделать. Так что квартира твоя полностью, и гони его в шею. Мало ли, кто где прописан!

– Мам! – Тася сказала и даже замерла. Она впервые произнесла это слово и испугалась.

– Ну? – Ее непутевая мамаша, похоже, даже не поняла, почему у Таси вышла заминка. Не поняла или сделала вид, что не поняла.

– Он тут прописан, и мне будет трудно его на улицу выставить. Чисто физически.

– Говно вопрос! Найдем кого-нибудь! – смело заявила непутевая мамаша, стукнув кулаком по столу.

– Мам! – В этот раз слово далось Тасе уже легче. – Он отец моего ребенка. Не могу же я его, как собаку, на улицу выгнать.

В этот момент Тася услышала какой-то шорох за дверью. Она вскочила и настежь открыла дверь. За дверью стоял Зайцев с совершенно белыми от ярости глазами. Было件нятно, что он все слышал.

Зайцев отодвинул Тасю в сторону, вошел в кухню и завис над непутевой мамашей.

– Явилась, лахудра заморская, людям жизнь портить! Я разводиться не собираюсь, слышала, ты?! И не надейся. Я ее подруг придурочных всех, как тараканов, повывел и тебя изведу, не беспокойся! Меня все устраивает, и семья моя, и квартира. Моя!!!

– Андрей! – рывкнула Тася. Она даже не представляла себе, что может так повысить голос. Все время чего-то боялась. То бабушку с дедом побеспокоить, то Дуську не хотела травмировать. Однако с приездом непутевой мамы ей вдруг открылась простая истина, что с каждой минутой она попросту спускает свою замечательную жизнь куда-то в унитаз.

– Чего? – Зайцев развернулся к Тасе. – Зомбировала тебя уже мамаша твоя? Научила, как подороже продаться? Одни деньги у вас на уме, бляди чертовы!

Тася разинула рот. Зайцев матом никогда не ругался. Во всяком случае, при ней.

– Позолота вся сотрется – свинья кожа остается! – в пол-

ной тишине сказала непутевая мамаша и тут же получила от зятя по морде.

Тася ахнула, а Зайцев внезапно швырнул ей в голову банку с маринованными маслятами. Каким образом Тася увернулась, ей самой было неясно. Быстротой реакции она никогда не отличалась. Грибы сползали по стене и смешивалась с осколками банки на полу.

«Вот так и случаются убийства на бытовой почве. Гражданки такие-то во время совместного распития спиртных напитков порешили гражданина Зайцева тупым предметом по голове», – пронеслось в голове у Таси, и она с удивлением заметила у себя в руке тяжелую чугунную сковородку с остатками масла из-под котлет.

В кухню заглянула испуганная Дуська.

– Пошел вон! – заорала Тася, поставила сковородку на плиту и кинулась к своей непутевой мамаше.

Зайцев выскочил из кухни, чуть не сбив с ног Дуську. Было слышно, как хлопнула входная дверь.

Непутевая мамаша держалась за скулу и хихикала. По лицу ее текли слезы. Тася вынула из морозилки пачку замороженных овощей, завернула ее в полотенце и сунула в руки непутевой мамыши. Та приложила пакет к скуле, подмигнула Дуське и со смехом сказала:

– А ведь Акела-то промахнулся!

– Акела промахнулся, Акела промахнулся! – Дуська восторженно запрыгала на одной ноге.

– Так, бандерлоги, марш отсюда, или хотите грибы с пола убирать? – Тася строго посмотрела на Дуську.

– Бабушка делала, жалко! – со вздохом сказала Дуська, потом она хитро посмотрела на непутевую мамашу. – Мама! Правильно бабушка говорила: ох и непутевая у тебя мамаша!

– Точно! – согласилась с ней непутевая мамаша, вытирая слезы. – Всего один день только тут у вас побыла, а вон чего наворотила.

– Спасибо тебе, мамочка! – Тася обняла непутевую мамашу и от всей души заревела.

– Ладно, ладно! – Непутевая мамаша похлопала Тасю по спине. – Однако! Меня потрясла твоя вертлявость. Когда он банку в тебя кинул, я уж думала, что все, конец пришел моей девочке. Ведь прямо в голову летела. А ты – вжик! Только головой мотнула. Как в кино! Где ты так научилась? И сковородку моментально откуда-то выхватила. Как меч из-за пояса. Мне понравилось!

Тася засмеялась:

– Я сама не меньше твоего удивилась.

– Чего делать-то будем? Он же вернется. Не дай бог тебя побьет!

– Не побьет, мам, не бойся. Я теперь уже с ним справлюсь, он грань переступил. Разведусь. Куплю ему комнату в коммуналке и под белы ручки! Пишите письма мелким почерком.

Но комнатой от своего замечательного мужа Тасе отде-

латься не удалось. В тот же вечер, когда непутевая мамаша уже уехала к себе в гостиницу, Зайцев вернулся, заглянул на кухню, где Тася оттирала со стен остатки маринада, и заявил:

– Я отсюда уеду только в отдельную квартиру! Я здесь прописан и имею право проживать.

Тася ему ничего не ответила, она вообще теперь не имела никакого желания разговаривать с этим жлобом. Спать она легла в бабушкиной и дедушкиной спальне. На следующий день Тася первым делом связалась с юридическим отделом головного московского офиса своей компании. Московские юристы внимательно выслушали Тасю, посоветовались и дали координаты очень толкового питерского адвоката, специалиста по бракоразводным процессам. Адвокат поначалу Зайцева всерьез не воспринял.

– Анастасия Михайловна! Дорогая моя! В городе Санкт-Петербурге для меня нет ни одного человека, с которым было бы невозможно договориться полюбовно. Я считаю, что и комнаты-то для этого орла много.

Правда, переговорив с Зайцевым, адвокат свое мнение резко изменил:

– Как же это вас так угораздило? Он ведь еще на сто процентов уверен, что вы от него никуда не денетесь! Прямо свет в вашем окне, не иначе! Где ж вы эдакого мудака-то, извиняюсь за выражение, нашли?

– Не извиняйтесь! Вы это правильно сейчас сказали. Я, наверное, денег на квартиру ему все-таки соберу. Мне мама

обещала помочь, но вы уж постарайтесь, пожалуйста, чтобы после развода я этого человека больше не видела. Ни-ког-да! Думается мне, что незачем ему и с дочкой общаться. Чему хорошему он ее научить может?

– А вот тут вы, Анастасия Михайловна, очень не правы, – возразил адвокат. – Я эту публику отлично знаю. Даже не думайте о дочке заикаться. Иначе он у вас всю душу вынет, ребенком шантажируя. Мы с вами, наоборот, настаивать будем, чтоб он не только алименты на ее воспитание перечислял...

– Да не надо мне ничего от козла этого! Зачем мне его гроши? Я и так-то сама всю семью тянула. Мне ж теперь только легче станет! – решительно перебила адвоката Тася.

– Не перебивайте, Анастасия Михайловна! Дайте мысль закончить. Чем больше мы от него требовать по ребенку будем, тем он больше будет отбиваться. Соглашение специальное составим. Потом захотите с дочкой за границу к маме вашей поехать, думаете, он разрешение на вывоз ребенка вам даст?

– Не даст, это точно, сразу кочевряжиться начнет и говняться всячески.

– Вот! А вы ему соглашение под нос. Где, дружок, денежки на содержание? Когда ты деточку в цирк водил? Или в кино?

Тася фыркнула, Зайцев, несмотря на то что в то время не работал, даже из детского сада Дуську ни разу не забрал. Все

находил отговорки какие-то.

– Думаете, соглашение поможет?

– Еще как! Он же алименты вам перечислять не будет. Суммочка накопится приличная, и статейка сейчас подходящая есть про уголовную ответственность за неуплату алиментов.

– А если он будет алименты платить?

– Анастасия Михайловна, я вас умоляю!

В конце концов адвокат утряс с Зайцевым все процедуры, и вождеденное соглашение все-таки было подписано. По соглашению Зайцев получал от жены отдельную однокомнатную квартиру в новом доме, взамен он обязан был выписаться из Тасиной квартиры, перечислять почтовым переводом определенную сумму денег на Дусино содержание, а также не реже чем раз в две недели забирать Дусю к себе, ходить с ней в музей и театры.

От бабушки и дедушки Тасе остались кое-какие деньги, часть требуемой суммы она заняла на работе, а часть ей перечислила непутевая мамаша. Так Зайцеву была куплена квартира, он прописался туда, и они благополучно развелись. На таком порядке событий настаивал адвокат, чтобы, если Зайцев вдруг решит дать задний ход, квартира оказалась бы совместно нажитым имуществом. В день развода Тася чувствовала себя на седьмом небе от счастья. Стоял чудесный теплый сентябрьский день. Настоящее бабье лето. Тася забрала Дусю после школы, и они поехали отмечать развод в ресто-

ран. Как ни странно, Дуська веселилась вместе с Тасей.

«Выходит, я все-таки настроила как-то ребенка против отца? – думала Тася, глядя на смеющуюся Дуську, которая с набитым ртом рассуждала, как на зимние каникулы было бы замечательно поехать к бабушке. – А, и наплевать! Я ж не врала ребенку ничего. Детка у меня умная, глаза у нее на месте. Вот она все видит и сама выводы делает. Не то что я, дубина невозможная! Чего, спрашивается, десять лет маялась? Ведь если б не Дуська, то и вовсе бы домой не ходила, сидела б на работе с утра до ночи».

Когда они подъехали к дому, уже стемнело. У дома стоял фургон для перевозки мебели. Проходя мимо, Тася с удивлением увидела в фургоне свою итальянскую кожаную мягкую мебель. Этой мебелью Тася очень гордилась. В свое время она влезла в огромные долги, чтобы купить эти красивые бежевые кресла и диван на хромированной металлической раме. Зайцев ее тогда еще долго и занудно ругал за то, что она живет не по средствам.

Тася с Дусей поднялись на лифте на свой этаж и увидели на лестничной площадке Зайцева, прижимающего к груди плазменный телевизор.

– Андрей! Ты что, нас грабишь? – как-то само собой вырвалось у Таси.

– Папа! Ты куда телик-то потащил? И диваны? – удивилась Дуська.

– Я что, по-вашему, должен в голых стенах новую жизнь

начинать? – заявил Зайцев, протискиваясь мимо них к лифту.

– Ну-ну! Жадность губит фраеров! – Тася почувствовала, как внутри у нее поднимается странная волна бешенства. Ей захотелось ударить Зайцева, но при ребенке этого делать было нельзя, да и вообще много чести. – Очень сильно подозреваю, что награбленное никому никогда еще радости не приносило. Вот и ты, Андрюша, подавишься! А мы с Дуськой себе новый телевизор купим, еще лучше и больше!

Тася развернулась, подхватила Дуську и зашла в квартиру. «Завтра же надо замки поменять!» – подумала она, оглядывая помещения. Слава богу, ничего из вещей бабушки и деда Зайцев не взял, а вот из их с Зайцевым комнаты было вынесено практически все – мебель, компьютер, телевизор с домашним кинотеатром, ковер, и даже занавески с окон исчезли. Из кухни пропала СВЧ-печка, кухонный комбайн и посудомоечная машина. Холодильник Зайцев не взял. Видимо, не успел, так как тот был забит продуктами. Тася кинулась в ванную комнату. На месте стиральной машины валялись одинокие шланги. Тасин фен Зайцев тоже прихватил, даже шампунем и стиральным порошком не побрезговал.

Тася вернулась на кухню и выглянула в окно. В серебристом свете абсолютно круглой луны она увидела Зайцева, несущего телевизор к мебельному фургону.

– Чтоб ты провалился! – сказала Тася, даже не сказала, а как-то очень злобно прошипела, и в этот самый момент у

Зайцева подвернулась нога, он выронил телевизор и с размаху шмякнулся сверху. Телевизор треснул, а Зайцев завыл, держась за ногу. Тася усмехнулась и поймала ненавидящий взгляд Зайцева, который поднял голову и смотрел прямо на нее. Тася отвела взгляд от окна и краем глаза вдруг увидела, что круглая луна ей подмигнула. Тася открыла рот и посмотрела прямо на луну. Луна как луна. Круглая и симпатичная. Тасе всегда казалось, что луна похожа на усталую печальную женщину. Понятное дело, что это лунные горы и впадины создавали впечатление, что у луны есть лицо. Особенно в полнолуние. В детстве Тася очень любила полнолуние. Она залезала на подоконник своей комнаты и разговаривала с лунной. Рассказывала ей о своих детских радостях и печалях. Но никогда еще Тася не видела, чтобы луна ей подмигивала.

Тася задернула шторы и обернулась. За столом, подперев голову рукой, сидела печальная Дуська.

– Нет! Это же надо! У ребенка телевизор забрать! – возмущенно заявила она Тасе.

– Меня больше всего печка волнует, – улыбнулась Тася. Она решила не рассказывать дочери, какая беда постигла ее отца при транспортировке телевизора. – Как ты теперь обед после школы разогревать будешь?

– Да, и посуду мыть теперь руками придется! – горестно сказала Дуська.

– И стирать! – добавила Тася. – Я как раз на этих выходных стирать собиралась. Белья у нас накопилось!

– И стирать? – ахнула Дуська и кинулась в ванную. – Ни фига себе!

– Ничего, Дусь, мы себе зато теперь все новое купим! – прокричала Тася вслед дочери. – Правда, не скоро. Очень не скоро.

МЕЛКИЕ ПАКОСТИ

Анастасия мчалась на диковинном звере сквозь странный заболоченный лес. Зверь имел мягкую короткую серебристо-серую шерсть, сквозь которую просвечивала его бледно-розовая кожа. Под кожей буграми вздымались недюжинные мышцы, и при каждом прыжке зверя раздавался стук его когтей о камни. На затылке зверюги, прямо за остренькими симпатичными ушками, находилась складка кожи, которая напоминала Анастасии затылок здорового бритого под ноль мужика. Именно за эту кожистую складку и держалась Анастасия во время своего путешествия. Дорога, выложенная крупными булыжниками, шла на небольшом отдалении от деревьев, прямо как настоящее шоссе. Из леса за Анастасией и зверем наблюдали какие-то животные, смутно похожие на фиолетовых и сиреневых бегемотов. Вообще, цветовая палитра в этом мире была очень ограничена и перетекала от молочно-серого к бледно-фиолетовому. Никаких голубых, зеленых, красных или желтых оттенков не было и в помине. Анастасия чувствовала, что бегемотообразные животные наблюдают за ней безо всякой угрозы, а скорее даже с некоторым одобрением. Мол, ну наконец-то помчалась! И Анастасия мчалась от всей души, испытывая в груди странную восторженную щекотку. Вообще, в этот момент она отличалась какой-то небывалой ловкостью. Зверь слушался беспре-

кословно и повиновался легким движениям коленей Анастасии. Самое удивительное, что она откуда-то знала, как этим чудесным зверем управлять. Все окружающее ей очень нравилось и казалось странно близким, практически родным. И теплый, очень влажный воздух, и маленькие капельки дождя на лице, и огромная серебристая луна, занимающая полнеба. Анастасия оторвалась от шкуры зверя, подняла руки вверх и закричала:

– А-а-а-а-а!

Ей было очень хорошо. В этот момент зверь обернулся, посмотрел на нее хрустально-серыми глазами, подмигнул и улыбнулся во всю свою страшную зубастую пасть.

Тася проснулась и поглядела на будильник. До звонка оставалось еще пять минут. Она выключила ненавистное бевсовское изобретение и со вздохом выбралась из-под одеяла. Пока она тащилась в ванную, в голове мелькали образы из только что увиденного сна. Особенно хитрая и наглая улыбка сказочного зверя.

«Вот гад! – думала она, начищая зубы. – Раньше ведь никогда не улыбался и глаз не показывал!»

Дело в том, что сон этот про серебристо-фиолетовый мир Тася видела уже не один раз. И каждый раз ей открывались все новые и новые детали. Например, как сегодняшнее лицо ее зверя. Именно лицо, а никакая не морда. Морда не может быть настолько понимающей и наглой. Во сне Тася себе очень нравилась. Там она действительно была Анастасия,

а не Тася, как в обычной жизни. И волосы там у нее были необычайно красивые и вьющиеся, в точности как у непутевой мамыши. Они очень красиво развевались за спиной Анастасии во время езды на странном звере. Так-то у Таси Зайцевой была короткая мальчишеская стрижка, и никакой такой особой ловкости у нее тоже не наблюдалось. Наоборот, Тася считала себя самой настоящей неуклюжей тетехой. Она все время падала, подворачивала ноги, задевала углы локтями, что-нибудь роняла и разбивала. Какая уж тут верховая езда! Тася-то и в свою машину садилась, периодически стукаясь головой о крышу. Правда, машину она водила хорошо. Что да, то да. Хотя пока она научилась так хорошо ездить, пришлось не одну машину сменить. Первый ее автомобиль был по-настоящему многострадальным. Тася на нем задним ходом в забор въехала, потом пыталась бодаться с троллейбусом и, в конце концов, была побита трамваем. Никакой зверь такого безобразия не вынес бы. Зайцев, в бытность свою Тасиным мужем, постоянно убеждал ее в том, что женщины на автомобилях ездить категорически не могут в силу своего мозгового устройства, а именно безграничной тупости. Поэтому, когда Тася, наконец, освободилась от присутствия Зайцева в своей жизни и рассчиталась с долгами, в которые она попала по милости бывшего мужа, она первым делом купила себе автомобиль. И какое-то время даже считала, что Зайцев хоть и дурак дураком, а насчет неприиспособленности женщин к вождению автомобиля был все-таки

прав.

Сейчас, конечно, Тася ощущала себя асом, но не далее как позавчера она с трудом унесла ноги из-под снегоуборочной машины. Вернее, не ноги, а колеса.

Своим теперешним автомобилем Тася очень гордилась. Это была ее первая абсолютно новая машина, купленная не с третьих рук, а в автомобильном салоне. Знамо дело, не гоночный автомобиль престижных европейских марок, но и не какая-нибудь китайская дребедень. Вполне даже пристойный японец. Тасе ведь что самое главное в автомобиле? Скорость, надежность и всепогодная проходимость! Чтоб и на дачу зимой доехать можно было, и по трамвайным путям скакать. На поребрик опять же заехать иногда бывает просто необходимо. А это все ее джипообразный полноприводной япончик делает легко, можно сказать, шутя-играючи. И цвет у него хороший. Серебристо-серый, почти как шкура ее замечательного зверя из сна. И грязи никакой на нем не видно.

В ванной Тася встала под душ, прислонившись к кафельной стенке, и закрыла глаза. Так стоять под льющей теплой водой она могла бесконечно долго. Главное было опять не заснуть. Но в это утро заснуть не давали мысли о новом финансовом директоре. Вернее, директрисе, которую Кислицкий вот уже скоро год как взял на ее, Тасину, голову. Директриса эта была непроходимой дурой, делала арифметические ошибки, писала неграмотно, а что самое неприятное – была непропорционально своим умственными способностями амби-

циозна и занимала теперь Лилькин кабинет.

Нет, об этом она подумает потом, а то так и простоит весь день под душем, строя коварные козни для этой воинственной дурищи. Тася выключила воду, выбралась из ванной и поглядела на себя в запотевшее зеркало. Из тумана на нее глянуло вполне даже симпатичное лицо. Тася повеселела. Подумаешь, проблема! Какая-то наглая какашка расселась в кабинете Лили Тимофеевой, которая покоилась теперь на Волковском кладбище родного города. Как-нибудь мы ее всем миром поборем. Коллектив на предприятии, слава богу, дружный, и Лильку любили практически все. Больше всего в этой ситуации Тасю раздражал и возмущал Кислицкий, который, ни с кем не посоветовавшись и не согласовав, привел эту дуру и усадил в Лилькин кабинет, когда Лилька была еще жива и тихо умирала в больнице. И Лилька, которой врачи до последнего момента полоскали мозги и не говорили, что у нее рак, именно тогда, в тот самый момент, все поняла. И моментально свернулась, как будто ее выключили. Вот этого Тася Кислицкому никогда не простит.

Лиля Тимофеева умерла от рака в самом расцвете сил и женской красоты. Ей было чуть больше сорока. Случилось это все внезапно, очень быстро, и Тася до сих пор никак не могла поверить, что это правда, и хохотушка и непоседа Лилька Тимофеева никогда не заглянет к ней в кабинет со словами:

– Ну что, зарплату конвертировать или деревянными

возьмешь?

Покончив с немудреной укладкой своих стриженных волос и с наведением боевой раскраски, Тася сварила себе кофе. Скоро придет ее помощница по хозяйству, она же няня, она же воспитательница, она же домоправительница Татьяна Алексеевна, разбудит Дуську, и в доме начнется обычный утренний переполох. А пока в полной тишине можно выпить кофе, выкурить сигаретку и прочитать страницу-другую какого-нибудь незамысловатого женского романчика. Тася уже и не помнила, когда читала какую-нибудь серьезную литературу. Серьезными вещами ее жизнь была наполнена и так, поэтому во время чтения хотелось отдыхать и радоваться за героев, у которых в конце романа обязательно все получалось, и мечты их непременно сбывались. Герои любимых Тасяных романов ездили на родстерах, пили настоящее шампанское и носили «лабутены». Эх, хорошо, наверное, прогуляться в этих самых «лабутенах» где-нибудь по набережной Круазетт, непременно под ручку с каким-нибудь известным миллионщиком. И чтобы вокруг шептались толпы восхищенных поклонников.

По дороге на работу, выехав на слегка занесенный снегом, обледеневший Лиговский проспект, Тася вдруг представила, что мчится она на своем волшебном скакуне из сегодняшнего сна. А шипы на колесах ее резвого япончика стучат о ледяную поверхность дороги, как когти серого зверя.

«Интересно, к чему опять этот сон?» – задумалась Тася.

Обычно сон про серо-фиолетовый мир, каменистую дорогу и зверя снился Тасе только тогда, когда в ее жизни назревали перемены. А перемены Тася не любила. Как древние китайцы, у которых главным проклятием было пожелание врагу жить в эпоху перемен. Конечно, перемены в жизни Таси случались никакие не эпохальные и приводили в конце концов все-таки к лучшему. Но при этом они почему-то требовали от Таси больших энергетических затрат, слез и всяческих страданий. Сколько она себя помнила, любые перемены ее чрезвычайно напрягали.

Около офиса Тасю ждал неприятный сюрприз. На ее парковочном месте красовался маленький ярко-красный автомобильчик, окна которого были практически увешаны разными милыми игрушками. Из заднего окошечка Тасе улыбался розовый медвежонок. По всему видать, владелица машины с помощью этих игрушек сообщала всем окружающим, какая она милая девушка. Эти милые девушки на маленьких красненьких автомобильчиках невероятно раздражали Тасю и доводили до белого каления. Они постоянно пытались пролезть куда-нибудь без очереди, словчить, схитрить и пристроиться. При этом все свои маневры на дороге они осуществляли с грубейшими нарушениями правил дорожного движения, резко перестраивались из одной полосы в другую, подсекая остальных автовладельцев, пытались поворачивать из крайнего левого ряда направо и из крайнего правого ряда налево. Короче, подтверждали своим непри-

стойным поведением все эти мужские инсинуации по поводу того, что баба за рулем – это обезьяна с гранатой. Тася не раз видела, как такая увешанная игрушками машинка кидалась наперерез движению и совершала опасный для жизни окружающих маневр. Милые девушки, видимо, считали, что все окружающие должны пропускать их вперед, так как барышень обычно в повседневной жизни все пропускают вперед, открывая перед ними двери. И не просто пропускать вперед, но еще и улыбаться и слать им вслед воздушные поцелуи, умиляясь и пуская слюни. Вот и сейчас на Тасином месте расположилась такая милая девушка. Если бы еще Тася не знала, что милую девушку корчит из себя именно новая финансистка!

«Вот сучка!» – подумала Тася, припирая красненький милый автомобильчик своим япончиком. Рядом с маленькой машинкой япончик казался огромным королем дороги. Ставить свою машину на место Лили Тимофеевой новая финансистка категорически не хотела. Это место было с краю крытой парковки для руководства и днем частично заметалось снегом. В свое время руководство в составе Таси, Лили, самого Кислицкого, технического директора Орешкина, главного инженера Эммы Эдуардовны и главного бухгалтера Алевтины тянули жребий, разыгрывая парковочные места. И новой финансистке вместе с замечательным Лилькиным кабинетом досталось и ее не очень хорошее парковочное место. Однако та делала вид, что не поняла, и в те моменты, ко-

гда приезжала на работу раньше Таси, норовила занять Тасину парковку. Тасино место было в углу около стенки, рядом располагалось парковочное место автомобиля Орешкина, который обычно торчал на работе до поздней ночи, поэтому запертый Тасиным япончиком красный автомобильчик смог бы теперь выехать только после ухода Таси с работы. А сегодня Тася собиралась как раз подзадержаться. Опять же снега синоптики не обещали, так что можно было не бояться, что после работы придется откапывать свой автомобиль.

Тася выбралась из япончика и направилась к дверям родной конторы, занимавшей очень даже симпатичный особнячок внутри питерских дворов. Это было ценно, так как давало возможность организовать парковку для автомобилей персонала. Персонал Тасиной конторы в основной своей массе пешком на работу не ходил. Еще бы! Ведь Тася работала в питерской дочерней компании крупнейшего московского строительного холдинга «Монтажспецстрой».

В свое время дед через хорошего московского друга, занимавшего в компании должность старшего вице-президента, пристроил Тасю на работу в только-только организованный маленький филиал на должность офис-менеджера. А на какую должность еще прикажете определить толком ничего не умеющую девочку с инженерным образованием? Так – подай, принеси, достань, размести и устрой. Короче, сделай всем красиво.

Надо сказать, что непутевая мамаша в свое время была права, когда ругала Зайцева за его никчемность. Дедушка действительно в то же самое время пристроил на работу и его. Оператором автозаправочной станции крупной нефтяной компании. И не просто оператором, а с перспективами дальнейшего роста. Но оказалось, что не царское это дело – быть простым оператором, Зайцев сразу хотел поступить в начальники. А еще лучше, чтобы дедушка устроил его не кем-нибудь, а прямо директором. Поэтому Зайцев на АЗС проработал недолго и со словами «Ну не могу я, Тася, лакем быть» уволился, дабы опять угнездиться на любимом диване с видом принца в изгнании.

Тася же никакой работы не чуралась, ни лакейской, ни халдейской. Лишь бы денежки платили. А если к работе еще и мозги приложить, то вполне можно приличную карьеру сделать. Долго ли, коротко ли, но в результате Тася постепенно прибрала к рукам всю контору во главе с генеральным директором Кислицким. Прибрала к рукам в том смысле, что стала в компании абсолютно незаменимой. На данный момент питерская дочерняя компания московского строительного холдинга «Монтажспецстрой» со всеми своими подразделениями насчитывала шестьсот человек, и Тася занимала там должность исполнительного директора. Конечно, пришлось слегка подучиться. Благо бизнес-образование в холдинге всячески приветствовалось и оплачивалось.

Леонид Александрович Кислицкий появился в конторе

гораздо позже Таси. Она к тому времени уже прочно закрепилась на своей нынешней позиции. Кислицкий поначалу всем очень понравился. Вежливый, обходительный, с импозантной внешностью, благородной сединой на висках и большими печальными еврейскими глазами. Очень красивыми и очень добрыми. Кислицкий хорошо и дорого одевался, умел организовать работу, и Тася сразу прозвала его Ленни на американский манер. Видать, унаследовала от непутевой мамы стремление переименовывать имена окружающих на свой лад. Однако Ленни оказался внутри не так прекрасен, как снаружи. Он, как говорится, был падок на женский пол. Не давал проходу всем мало-мальски симпатичным девушкам, даже главного инженера Эмму Эдуардовну как-то попытался ущипнуть за попу. Ну а когда он стал откровенно домогаться Таси, пришлось его грубо отшить и пожаловаться деду. Так, на всякий случай. Дед, конечно, стукнул своему московскому другу, и Кислицкому дали по ушам. С тех пор Кислицкий оставил сотрудниц в покое, а с Тасей предпочитал и вовсе не связываться. И вот теперь он, видимо, нашел инструмент, с помощью которого он Тасю достанет. Да уж! Эта финансовая гадина достанет любого. Еще и деда не стало. Правда, дедов приятель, старший вице-президент холдинга Викентий Павлович, ни куда не делся и по-прежнему остался Тасиным покровителем. Он позвонил ей сразу после гибели бабушки с бабушкой, выразил соболезнования и обещал всяческую помощь. Но не будешь же звонить

большому боссу в Москву и жаловаться, что твое парковочное место регулярно занимает какая-то дура. И вообще, не мешало бы выяснить, чьих эта дура будет. Кто за ней стоит? Ведь за всеми, кто работал в холдинге на ключевых постах, обязательно кто-то стоял. С улицы людей на работу не брали.

Дверь конторы, выполненная из тонированного стекла, к тому моменту, как Тася к ней подошла, распахнулась, и с улыбкой от уха до уха ее встретил начальник охраны. Тася посмотрела на его улыбку и опять вспомнила зубастую пасть зверя из сна. Начальник охраны по заведенной с начала основания фирмы традиции сообщил ей все новости, а также не преминул заметить, что предупредил финансового директора о том, что та заняла чужое парковочное место.

– Может, колеса ей продырять? А? Анастасия Михайловна? – поинтересовался он, продолжая радостно улыбаться Анастасии.

– Ну! Колеса – это примитивно. Вот макрофлекса ей в выхлопную трубу засобачить – это было бы дело. Но! – Тася подняла вверх указательный палец в точности так, как это делала непутевая мамаша. – Это же все на глазах у наших камер наблюдения. Так что подобный вариант исключается! Категорически!

Тася погрозила начальнику охраны пальцем.

– Мы ж можем камеры ненадолго, допустим в целях профилактики, и подвыключить. И тем временем злобный хулиганствующий аноним проведет с непонятливыми воспита-

тельную работу! – Начальник охраны сделал доброе лицо и развел руками.

– Воспитатели у данной барышни и без хулиганствующего анонима найдутся. У таких людей машины сами по себе ломаются.

– Так у нее новая, гарантийная! Эти не ломаются.

– Ха! Еще как ломаются! Да к тому же и поломку-то не сразу обнаружат, а потом ремонтировать будут не одну неделю, – злорадно возвестила Тася и сама себе удивилась.

– Анастасия Михайловна! Вы так уверенно говорите, что я думаю, так ведь оно и случится, в конце концов.

– Не в конце концов, а очень даже скоро. – С этими словами Тася стала подниматься по лестнице на административный этаж.

Уверенно она говорит! Еще бы не уверенно, на том, можно сказать, и держится ее непререкаемый авторитет. Анастасия Михайловна Зайцева всегда в своих словах уверена. Даже когда и не понимает ни черта. Если подчиненные будут подозревать, что она сомневается, то ни за какие деньги под пули не полезут.

«Господи! Какие пули? Чего я несу? Они же подчиненные, а не солдаты. Да и я не командир полка, а всего лишь исполнительный директор», – подумала Тася, открывая дверь в приемную.

В приемной восхитительно пахло кофе, в центре, за столом, окруженным мягкими диванами и креслами, воссе-

дала их офисная богиня – начальник секретариата и личный помощник генерального директора Ада Львовна. У Ады Львовны всегда была безукоризненная прическа, волосок к волоску, и идеальный маникюр. Как у героини мыльной оперы. Тася Аду Львовну обожала, и эта любовь была взаимной.

– Тасечка! Кофейку хотите? Наши московские коллеги прислали нам чудесную арабику.

Ада Львовна разбиралась в кофе, как никто, и все время выискивала все новые сорта, каких-то затейливых поставщиков и проводила различные кофейные эксперименты, используя обычную офисную кофе-машину. Такого кофе, какой делала Ада Львовна, не делал никто.

– Конечно, хочу, Ада Львовна! Вы мне компанию не составите? Или уже пили? – Тася открыла дверь к себе в кабинет и застыла, ожидая ответа Ады Львовны.

– Признаюсь, Тасечка, специально не пила, вас поджидала. Вдруг, думаю, позовет.

– Зову, зову! Вам помочь?

– Ну что вы, Тасечка! Сейчас все организую молниеносно.

Действительно, не успела Тася скинуть шубу и надеть туфли, как в дверях нарисовалась Ада Львовна с кофе и печенюшками. Это был каждодневный утренний ритуал, который они обе с удовольствием исполняли.

Тася с Адой Львовной уютно устроились за столиком для переговоров и приступили к дегустации чудесной арабики. Утром Тася обязательно находила время как для кофе с

Адой Львовной, так и для сигареты в общественной курилке. После этих двух обязательных утренних процедур у нее начинался обыкновенный сумасшедший день любого руководителя большого коллектива. Причем не просто руководителя, а руководителя исполнительного. То есть все то же подай, принеси и сделай нам красиво, только в большем масштабе. Тася иногда себя чувствовала в родной компании этакой Зо-лушкой и ловила себя на мысли, что она не руководит коллективом, а служит у него на посылках. Ведь со всеми своими проблемами, включая производственные, люди бежали непременно к Тасе. Она могла все разрешить, устроить, со-стыковать и наладить.

Ада Львовна отхлебнула кофе, сделала круглые глаза и со-общила Тасе очередную неприятную вещь про новую финан-систку:

– Эта, Тасенька, с позволения сказать, мегера недоделан-ная велела мне вам передать, что ей надо с вами перегово-рить, и она ждет вас у себя в кабинете в девять тридцать! Надо отметить, строго так сказала, с металлом в голосе.

Тася аж поперхнулась вкуснящим кофе.

– Пусть ждет! Может, и дождется чего-нибудь. Мне-то с ней переговорить вовсе не надо, так что я в это время буду сладко спать у себя в кабинете. Или в носу ковырять, еще не решила. Лучше скажите, к чему бегемоты снятся?

– Разумеется, к счастью. К чему же еще?

– А дорога?

– К переменам. Если по дороге на машине едете, то к быстрым переменам и ускорениям всех процессов в вашей жизни, – со знанием дела сказала Ада Львовна. Она постоянно изучала какие-то псевдонаучные книжки, которые Тася именовала «дуристикой». Однако мысли в этих книжках иногда попадались очень даже толковые, и мысли эти Ада Львовна постоянно доносила до сведения коллектива.

– Жалко! Очень я, Ада Львовна, перемены разные недолюбиваю. Я люблю, чтобы спокойно так, тихо, тепло и влажно, – сказала Тася и сама себе удивилась, при чем тут влажно-то?

– Как в болоте! – тут же определила Ада Львовна.

– Точно, как в болоте! – Тася вспомнила сиреневое болото из утреннего сна. В том болоте было очень даже приятно. По бегемотам это чувствовалось. Не могут же бегемоты так мило выглядеть, если им плохо и кто-то кусает. И воздух теплый и влажный вспомнила, и капельки у себя на лице.

– Это, Тасенька, потому, что мы с вами, как и все коренные питерские бабенки, по сути своей кикиморы. Хотя кикиморы – это такие, как вы, а такие, как я, скорее всего, уже не кикиморы, а жабы.

– Я, Ада Львовна, подозреваю, что жаба у нас как раз совсем другая дамочка. Та, которая у меня за стенкой угнездилась.

– Что вы, Тасенька, за стенкой у вас гадюка. Ха! Если б жаба!

Они допили кофе, и Ада Львовна отправилась в приемную, а Тася взяла сигареты, поглядела на часы и пошла в курилку. На часах было девять тридцать.

Курилку Тася очень любила. И курилку, и тамошнюю компанию. Ей даже удалось убедить директора по персоналу, что сплочение коллектива, происходящее в курилке, не идет ни в какое сравнение с эффектом от корпоративных мероприятий. Курильщики стояли друг за друга горой, причем без особых финансовых вливаний со стороны предприятия. Безо всяких там закусок, фокусов, клоунов, самодеятельности, приглашенных эстрадных певцов и прочих мотивационных ужимок. В курилке обсуждалась не только личная жизнь, но и решались важнейшие производственные вопросы. Несмотря на то что Тася имела полное право курить у себя в кабинете, она каждое утро обязательно появлялась в курилке, чтобы, так сказать, держать руку на пульсе.

Сегодня народу в курилке было немного, слушали Эмму Эдуардовну, которая рассказывала очередную историю про своего супруга. К сожалению, Тася застала только конец этого захватывающего повествования.

– И тут, представляете, выходит он! В шортиках! – Эмма Эдуардовна показала размер этих шортиков. – А вот тут, по бокам, разрезы!

– А что? По-моему, очень сексуально! – со смехом заметила главный бухгалтер Алевтина.

– Вот-вот! Плейбой! У меня даже сумки из рук выпали!

Так бы и треснула чем-нибудь тяжелым! По шортикам!

Курильщицы заржали.

Муж Эммы Эдуардовны до сих пор работал инженером все в том же проектно-институте, в котором и сама Эмма работала вместе с ним до начала перестройки. Когда в институте перестали платить и начались приватизационные катаклизмы, Эмма Эдуардовна ушла челночить. И Тася в свое время нашла ее на вещевом рынке. Покупала Дуське джинсы и просто разговорилась с энергичной продавщицей приятной наружности. Толковых специалистов было днем с огнем не сыскать, все разбежались кто куда, и вновь созданное питерское подразделение компании испытывало острую нехватку кадров. Тася уговорила московских боссов дать Эмме Эдуардовне шанс, о чем те никогда впоследствии не жалели. Эмма оказалась не только толковой, знающей, но и пробивной теткой. Она запросто налаживала хорошие отношения с заказчиками, даже с самыми трудными. Кроме того, Эмма пила водку не пьянея, курила, забористо ругалась матом и вместе со строителями в резиновых сапогах и пластиковой каске вышагивала по стройплощадке по колено в грязи. То есть и внешне соответствовала представлениям заказчика о хорошем подрядчике. Правда, неоднократно Эмма жаловалась Тасе на большую любовь любого заказчика к выезду на место. Эмма объясняла это тем, что в большинстве своем заказчики были людьми предельно конкретными и разглядыванию чертежей предпочитали беготню по пе-

ресеченной местности с размахиванием руками. Это Эмму очень веселило, но она соблюдала правила игры и всегда таскала с собой свою каску и резиновые сапоги.

Платили Эмме очень хорошо, в холдинге ее знали, любили и ценили, а муж благополучно сидел у нее на шее, периодически раздражаясь речами о том, как проклятые капиталисты продали советскую науку. Тем не менее при своей ностальгии по всему советскому он прекрасно ездил отдыхать за границу на деньги жены, постоянно наряжался в какие-то модные шмотки и с удовольствием курил дорогие сигареты, которые покупала его жена, приспешница тех самых воров и капиталистов.

«И как она его до сих пор не побила? – думала Тася, каждый раз слушая очередной рассказ Эммы о своем плейбое. – А может, она его все-таки тайком побивает? Уж больно характер у тетки железный».

Девчонки, правда, сошлись во мнении, что Эмма своего плейбоа очень любит и хоть и ругает постоянно, но всячески балует.

– Тась, ты видала? Эта сука в брюках опять машину на твое место поставила! Вот тварь! – Эмма Эдуардовна дала Тасе прикурить от своей зажигалки.

– Ничего, я ее там заперла как следует, так что придется ей сегодня подольше поработать.

– И откуда только она вылезла? – всплеснула руками главный бухгалтер Алевтина. – Такая зараза вредная.

– Откуда, откуда? Из Мухосранска, откуда же еще, – со знанием дела сообщила начальник отдела кадров Светлана Васильевна. – Именно там куются самые ценные кадры нашей родины.

– И кем она там подвизалась? – поинтересовалась Эмма. – Вы меня хоть убейте, но она на финансового директора никак не тянет! Наша Лилечка, царствие ей небесное, вот это был директор.

– Еще бы! – Светлана Васильевна победно оглядела курильщиц. – Образование, конечно, у нее профильное, финансовое, однако в трудовой всего две записи. Сначала главный бухгалтер какого-то ООО, потом аудитор другого ООО. И все в том же Зажопинске.

– Ты говорила в Мухосранске, – укоризненно заметила Тася.

– Один хрен! Там населения три с половиной человека. Так что можете представить, какой у нее богатый опыт. – Светлана Васильевна брезгливо сморщилась и потушила окурочек. Но тут же достала новую сигарету.

– То-то я смотрю, она все ко мне в бухгалтерию лезет да вопросы дурацкие задает, – фыркнула Алевтина.

– Смотри, Аля, подсидит она тебя! Не успеешь глазом моргнуть. Девочки, а может, мы ее просто из-за Лили возненавидели? Известно ведь, как бывает – пришла баба на место хорошего человека, который умер, вот все ее сразу в штыки и приняли. Ей наверняка тоже тяжело. – Тася решила попро-

бовать посмотреть на ситуацию с другой стороны.

– Ага! Пожалей ее! И место свое парковочное заодно уступи, – предложила Эмма Эдуардовна. Эмма всегда смотрела в корень.

– Нет, Тася. Тут дело вовсе не в Лилиной смерти. Мы же все видим, что баба эта попросту некомпетентна, но жутко амбициозна. Катастрофически! – заметила Алевтина.

– Ну, тогда осталось определить, кто за ней стоит. С какого перепуга она у нас тут плотно так уселась. Должность такая без московского согласования не проходит, – поделилась своими соображениями Тася.

– Я знаю! – Алевтина подняла руку вверх, как школьница. – Мне в московской бухгалтерии сказали, что Кислицкий упросил начальство разрешить ему взять на это место своего человека. Он, видите ли, хочет быть спокоен за финансы предприятия! Ему под персональную ответственность и разрешили.

– Вы действительно все такие дуры или только прикидываетесь? – с иронией в голосе поинтересовалась Эмма Эдуардовна.

– Эмма! Поясни народу свою мысль, – попросила ее Тася.

– Да вы глаза-то разуйте! Она же вылитая Роза Кислицкая. Только моложе раза в два, – возмущенно заявила Эмма Эдуардовна, даже проматерилась.

– Эмма! Здесь дети. – Тася погрозила ей пальцем, кивнув на Эммину ученицу Асю. Ася была молодым специалистом,

ходила за Эммой хвостом и смотрела ей в рот. Эмма была очень довольна Асей и прогнозировала для нее блестящее будущее.

– Анастасия Михайловна! Я эти слова давно прекрасно знаю, – с укоризной в голосе сказала Ася. – Я ж в строительной компании работаю. А Эмма Эдуардовна, как всегда, права! У обеих глаза близко поставленные, губы ниточкой, жопа плоская и огромные сиськи. И улыбка мерзкая, как приклеенная.

– Добрая, добрая! До чего ж ты добрая! – пропела Эмма Эдуардовна, погладив Асю по голове.

– Устами младенца! – заметила Светлана Васильевна.

– Выходит, наш Ленни совсем сдурел! Мало нам генеральной жены, так он нам еще и генеральную любовницу устроил! – Глаза Алевтины стали похожи на блюдца.

– Ой, Алевтина, а тебе-то Розочка чем не угодила? – поинтересовалась Эмма Эдуардовна. – Это я от нее скоро удавлюсь. Она ведь у нас все в Лондон ездит технологические вопросы решать, а мне потом приходится ее решения исправлять, только почему-то не в Лондоне, а все больше прыжками с вертолета на остров Колгуев!

Свою жену Розу Кислицкую Ленни в свое время пристроил под начало Эммы Эдуардовны ведущим технологом. Хорошим или плохим технологом была Роза, об этом было ведомо только Эмме Эдуардовне, да вот теперь еще Асе, но то, что все заграничные командировки с приходом Розы теперь

доставались только ей, об этом знала не только вся проектная часть, но и вся фирма, включая монтажников и строителей. Эмму в фирме уважали и все ей сочувствовали.

– Да ладно тебе, Эмма! А кто давеча в Техас ездил? – ехидно поинтересовалась Светлана Васильевна.

– Окстись! Техас этот мне высветился только потому, что наша Розочка не может быть одновременно в двух местах. Не разорваться ей, бедняжке! Они с Ленни покумекали и решили, что в Европу лететь ближе, для здоровья безопасней, опять же климат в Европах помягче, – вот меня милостиво в Техас и отправили, в жару сорокаградусную. Если б не текила, так и не знаю, как бы я это все безобразие перенесла.

– Эмма! Ты пила текилу в сорокаградусную жару? – поразились Тася.

– Я ж под кондиционером, Тась! Там от кондиционеров в помещении холод стоит страшный!

– Как на Колгуеве!

Все заржали.

– Все, девочки! Пора пилить наши гири. – Тася посмотрела на часы. – Эмма! Как думаешь, надо мне на совещание по Мурманску идти?

– Здравствуйте! Куда ж там мне без тебя! Хочешь, чтобы я одна за всех отдувалась? На Ленни со Светиным надежды никакой. Моментом стрелки на меня переведут, а я совсем не хочу, чтобы меня мордой об стол возили. Мне моя морда еще очень даже пригодится. Заодно и на самого главного

заказчика наконец посмотришь. Стра-а-а-шно, но интересно до жути. Говорят, без толпы охраны на улицу не выходит. Стреляный или подорванный. Точно не знаю.

– Ага! Так он вместе с охраной нас месить будет? И чего, спрашивается, ему у себя в Мурманске не сидится? Там все же не Колгуев. Цивилизация какая-никакая.

– Ха! Они-с в Мурманске не бывают-с! Они-с проездом из Москвы на Багамы или наоборот. Не знаю, куда там они обычно мотаются, Буратины эти богатенькие! Но мы ж любого достать сможем! Хоть на Багамах, хоть на Лазурном Берегу. Он с нашими сроками и ценами у себя там, на виллах, видать, сна лишился. Вот и приперся, снизошел до нас, презренных.

Тася вернулась к себе в кабинет и достала из сейфа аналитическую записку службы безопасности головной компании. Материал этот москвичи передали Тасе лично в руки, с соблюдением секретности через курьера. Тася очень удивилась, а когда прочитала, то удивилась еще больше и почувствовала себя шпионом в родном предприятии. Из записки следовало, что, по имеющейся у службы безопасности холдинга информации, начальник отдела оборудования и комплектации компании «Монтажспецстрой – СПб» Светин получает довольно солидные откаты от поставщиков оборудования. Однако существовало мнение, что занимается таким доходным делом он не в одиночку, а вместе с кем-то из питерского руководства компании. Под подозрением службы

безопасности были Эмма и Ленни. Анастасию Михайловну просили пораскинуть мозгами и проследить за подозреваемыми.

Тася такой просьбе из центрального офиса не обрадовалась и очень расстроилась. Не хватает еще за Эммой шпионить. Кроме того, она не исключала вариант, что и Эмма, и Ленни тоже получили такое задание, только в списке подозреваемых у них фигурирует сама Тася.

В том, что поставщики оборудования постоянно искушают соответствующие службы, Тася ни минуты не сомневалась, и начальник отдела оборудования в этом смысле находится на переднем крае. Но решение о закупке принимает не он, а тендерный комитет. Так что вполне естественно, что он может быть только посредником. Тася принялась чертить цепочки принятия решений о закупке дорогостоящего оборудования или крупной партии комплектующих. Начиная с проектировщиков и заканчивая представителями заказчика. Накануне из архива она приволокла несколько тяжелых папок с документами по уже законченному объекту. Переписка, протоколы совещаний, заседания тендерного комитета. Тася так углубилась в документы, что даже не заметила, как пролетело время, и на предприятии начался обед.

Тася обедать никогда не ходила. После обеда ей обычно хотелось спать, и она не могла полноценно работать. Кофе с сигаретой ей полностью заменял любой обед. Правда, Ада Львовна всегда заботливо подкладывала Тасе вместе с кофе

какую-нибудь печенюшку или рогалик.

По тому, как ей нестерпимо захотелось курить, Тася поняла, что обед подходит к концу. Она глянула на часы и обнаружила, что до начала совещания по мурманскому объекту остается пятнадцать минут. Тася потянулась, убрала московское послание и свои каракули в сейф, попросила по селектору у Ады Львовны чашечку кофе и закурила. Интересно, а как бы она поступила на месте начальника отдела оборудования? Стала бы брать взятки и рисковать таким хорошим местом? К концу сигареты Тася поняла, что она отнюдь не ангел и все бы зависело от размера этой взятки и от того, кто бы ее прикрывал сверху. Из Эммы Эдуардовны крыша получалась так себе, а вот Ленни... Значит, все-таки Ленни. Но он-то почему ничего не боится? Или за ним тоже мохнатая лапа Москвы? Начальник отдела оборудования берет откат, отщепляет себе долю малую и отдает деньги Ленни, а тот, в свою очередь, заносит долю московскому начальству. Нет, не так! Светин приносит всю сумму, а Ленни уже ему отстегивает чутка и потом с улыбкой везет чемодан в Москву. Вот поэтому служба безопасности и играет в шпионов. Ищут слабое звено у себя в головной конторе. А чего его искать? Ежу понятно, что это однокурсник Ленни по институту, тоже старший вице-президент холдинга, как и Тасин покровитель. Через него Ленни и попал на руководство питерским подразделением. Ясное дело, доказательств у них нет. Им надо, чтобы их нашла Тася и на блюдечке с голубой кае-

мочкой отправила в Москву. Сейчас! Уже помчалась! Думают, что Тася заинтересована в увольнении Кислицкого. Нашли дурочку.

Нет, конечно, Ленни – это зло, но зло Тасе давно знакомое и потому не опасное. Неизвестно еще, какую задницу пришлют на его место.

Примерно с такими мыслями Тася и отправилась на совещание. Правда, губы на всякий случай подкрасила. Вдруг придет на совещание, а там именно мужчина ее мечты – проездом из Москвы на Багамы. Ну а если нет, то все равно по башке получать за срыв сроков, согласитесь, всяко легче, когда у тебя губы накрашены.

В приемной на кожаных диванах сидели суровые мужчины в темных костюмах с витыми проводами за ушами. Тасе стало весело. Она обожала, когда мужики играют в крутых парней. Очень захотелось посмотреть, как они испугаются, если она громко скажет «Бах!», но Тася решила не рисковать. Вдруг еще пальбу учинят, вон какие рожи у них суровые. Один, самый страшный, стоял у дверей в кабинет Кислицкого. Ада Львовна объявила, что Тася на самом деле исполнительный директор и следует на совещание в кабинет к директору генеральному. Мужчина у дверей милостиво кивнул и разрешил Тасе войти. Даже обыскивать не стал. Это он зря. А вдруг у Таси бомба? За переговорным столом, кроме сотрудников компании, сидели еще два здоровенных бугая. На первый взгляд они ничем не отличались от охранников

в приемной, разве что провода за ушами не торчали. Одинаковые темные дорогие костюмы, галстуки, толстые бычьи шеи и практически лысые головы. Только у одного из них вокруг лысины серебрились коротко стриженные абсолютно седые волосы, а на глазах, к Тасиному изумлению, были надеты черные солнечные очки.

«Вот, придурок, не иначе в Джеймса Бонда заигрался, аж зимой в черных очках ходит! Выходит, зря я губы красила», – подумала Тася, со вздохом усаживаясь на свое место по правую руку от Кислицкого. Мужик в черных очках оказался как раз напротив нее. Начались обычные в таких случаях реверансы и обмен визитками. Оказалось, что шпион в очках и есть тот самый важный хозяин мурманского объекта.

Ленни в свойственной ему манере начал разливаться соловьем об успехах родного предприятия. Из речи Ленни определенно следовало, что холдинг «Монтажспецстрой», а особенно его питерская дочерняя компания, находятся впереди планеты всей.

«Как будто никто сроки не срывает?» – думала Тася, стараясь не заснуть и выписывая у себя в блокноте разные фигуры. Она сдвинула очки на нос и прикрыла глаза.

– Ну, а теперь перейдем к делу! – закончил Кислицкий свою речь.

– Хорошо бы! – заметил очкастый «шпион», играя желваками.

Тася встрепенулась, в надежде, что теперь начнется ин-

тересное, но она рано обрадовалась. Ленни дал слово начальнику отдела оборудования и комплектации Светину. Тот встал и начал что-то гундосить про успехи и трудности комплектации на сложном мурманском объекте. Услышав Светина, Тася сразу вспомнила покойную Лилию Тимофееву. Та в свое время научила ее тому, как не заснуть на совещании.

– Представь, что тот, кто выступает, занимается сексом! – сказала Лиля, округлив глаза.

– Ты чего? Меня же вырвет! Ничего себе у тебя способы! – Тасиному возмущению не было предела.

– Дура! Да не с тобой, – захихикала Лиля. – А вообще. Вот он говорит чего-то, а ты представляй, как он в этом ритме раздевается, эротический танец исполняет, ну и так далее.

Способ действительно был замечательный, сон как рукой снимало, и Тася часто на больших совещаниях, особенно в головной конторе в Москве, развлекалась подобным образом.

Вот и сейчас она представила начальника отдела оборудования, снимающего брюки и аккуратно, не спеша, стрелочка к стрелочке, складывающего их и вешающего на стул. Все это он проделывал, не переставая рассказывать о трудностях, под мелодию «Ностальжи», которая звучала за кадром. Затем настал черед галстука и рубашки. Все свои шмотки Светин очень аккуратно развешивал на стульях, пока в мыслях Таси не остался в одних носках. В фантазиях Таси занудный Светин почему-то представлялся героем-любовником

именно в носках. Внутренним взором Тася увидела, как он, оглядываясь по сторонам, запихивает взятку в эти носки, не удержалась и фыркнула. В этот момент она поймала хитрый взгляд Эммы Эдуардовны, поняла, что та занимается тем же самым, и они обе приснули. Ясное дело, что Лилька этому приемчику научила многих.

– Чего смешного? – возмутился начальник отдела оборудования.

Мужчина в черных очках хлопнул ладонью по столу.

– Что-то я не поняла! – сказал он в традициях любимых Тасиных сериалов. С ударением на первом слоге. В устах здорового мужика в черных очках эта фраза прозвучала просто замечательно, и Тася вместе с Эммой Эдуардовной засмеялись. Кислицкий зыркнул на них свирепым глазом.

– Чем это тут мы все занимаемся? – продолжил заказчик в черных очках. – Я уже давно понял, что фирма «Монтажспецстрой» лучшая в мире и работает с размахом. Узбеки все ваши, как один, в фирменных комбинезонах, на стройплощадке роскошная временная общага, аж в два этажа, флаги опять же на ветру полощутся, как на стадионе, в прорабской портреты президента с премьером, на совещаниях и вовсе веселье. Красота! Только сроки вы почему-то срываете. Когда взрывные работы, наконец, закончатся? Мы устали уже от жалоб общественности отбиваться. У общественности от ваших взрывов дома трясутся, не ровен час – развалятся!

– Так морена же! И гранит, – не удержалась Эмма, вклинившись в зажигательную речь.

– А вы не знали? Только сейчас обнаружили? Чего стоим, кого ждем? Вот вы, развеселая барышня, – заказчик обратился непосредственно к Тасе, – можете мне в двух словах сказать, в чем заминка и какого ляда вы мне тут мозги полощете? Что за ситуация такая сверхсложная, из-за которой весь график выполнения работ, или, как вы его теперь поумному называете, диаграмма Ганта, полетел к чертовой матери? Или вы не знаете, что каждый день стоит денег, и денег немислимых?

– Анастасия Михайловна! – вежливо сказала Тася.

– Что? – не понял заказчик.

– Развеселую барышню, то есть меня, зовут Анастасия Михайловна, – объяснила ему Тася.

– Хорошо, Анастасия Михайловна, просветите меня!

– Видите ли, оборудование для вашего объекта... – начала Тася.

– В двух словах! – перебил ее наглый тип в черных очках. На щеках его опять заиграли желваки, и Тася поняла, что все присутствующие, а в первую очередь она сама, чрезвычайно его раздражают. Небось вспомнил, как на Багамах-то хорошо.

– Ладно, в двух так в двух! – не стала спорить Тася. – Причины срыва сроков вам пора бы уже у себя в конторе вашей собственной поискать!

Заказчик присвистнул:

– Да вы что? Вот это «сам дурак»!

– Даю развернутое пояснение. Вы сколько времени контракт подписывали? Вы свой лист согласования видели? У вас разве что только уборщица условия не согласовывает. Это раз. Сколько времени вы аванс перечисляли? Как на телегах из банка в банк везли! Ей-богу. Это два! Сколько времени ваши господа этапы работ закрывают? Столько же, сколько контракт подписывали. И деньги опять же через пень-колоду шлют. Это три и четыре! Такую бюрократию, как в вашей конторе, я только в госучреждениях видела. Мы из-за вас ушли в зиму. Мало того что сроки поехали, так еще и дополнительные сложности появились. Чай, про зимнее удорожание слышали? У нас ведь тут далеко не Багамы. Особенно в Мурманске. Так что не вам мне рассказывать о том, что время – деньги. Но!!! – Тася подняла руку, останавливая порывающегося что-то сказать заказчика. – Возможность для ускорения имеется. О чем мы с вами непосредственно и хотели поговорить. Если вы, конечно, захотите таким образом ускоряться. Потому что для нормального ускорения необходимо согласовать временный съезд с федеральной трассы. У нас таких возможностей нет, и вообще это дело заказчика.

– Всего делов-то! Может, еще какавы с чаем желаете? – как-то криво ухмыльнулся заказчик и даже слегка изогнулся в стиле «кушать подано».

– Можно и какавы, но лучше все-таки съезд согласовать! – Тася почувствовала жуткое раздражение и задумалась, чего бы сказать ему такое обидное про его очки.

– Зачем съезд-то?

– Господин Светин нам тут не зря про трудности так долго докладывал. И я вам с самого начала пыталась объяснить, что оборудование в проекте негабаритное. Мало того что проезд колонны в любом случае надо с ГИБДД согласовывать, ну, это мы осилим, так оно еще и под существующим мостом федеральной трассы не проходит. В проекте у нас с вами времянка с другой стороны, через непролазные болота. – При этих Тасиных словах Эмма моментально вытащила план местности и развернула его под носом у заказчика. – А это и время, и деньги немаленькие. Так что, как ни крути, если хотим сэкономить хотя бы время, то надо изыскивать возможность согласования временного съезда.

– Может, вертолетами дешевле будет? – тоскливо спросил тип в очках.

При этих его словах Тася даже ощутила к нему некоторое сочувствие, потом вспомнила, как она непрерывно бьется с офисной шушерой его предприятия, и сочувствие исчезло без следа.

– Я, пожалуй, пойду! Суть я вам в двух словах изложила. Пакет согласовательной документации вот, мои юристы подготовили, конкретику вам Эмма Эдуардовна обрисует. – Тася положила перед заказчиком пачку документов и жалостно

посмотрела на Кислицкого. – Леонид Александрович, отпустите меня, а?

– Вот еще! Что значит пойду? – вскинулся заказчик, глядя на Тасю сквозь свои черные очки. – Сама тут повеселилась, мне настроение в двух словах испортила и теперь пойдет! Нет уж, Анастасия Михайловна, оставайтесь и вместе со всеми голову ломайте теперь. Не хочу я съезд с федеральной трассы согласовывать. Абсолютно! А ускоряться надо! Очень надо.

– Я, конечно, понимаю, что вы в разведчика играете, но мне весьма тяжело с человеком разговаривать, когда его глаз не видно. – Тася наконец нашлась. Таковую вот незатейливую ядовитую шпильку ему воткнула. Пустячок, а как приятно.

Заказчик ухмыльнулся, медленно снял очки и тут же сощурился. Глаза у него оказались потрясающе красивые, хрустально-серые, с густыми черными пушистыми ресницами. Точь-в-точь как у зверя из Тасинога сна.

– Я не в разведчика играю, Анастасия Михайловна. Я болен и не могу выносить дневной свет. Оттого и очки. Поверьте, они меня самого очень раздражают. – Он медленно надел очки, продолжая смотреть на Тасю.

Ей стало очень неловко.

– Извините. Извините, пожалуйста. Я не хотела. Господи, как неудобно. – Тасе хотелось сквозь землю провалиться, а еще ей хотелось плакать. Надо же! Взяла и вот так между делом мужика обидела. А он больной оказался. А еще сим-

патичный. Без очков-то сразу видно стало, какой он симпатичный.

– Ничего, Анастасия Михайловна. Я уже привык. Не вы первая, не вы последняя.

Ну вот! Она еще не первая и не последняя! Уел так уел.

– Я все-таки пойду. – Тася чувствовала, что она не может больше оставаться в его присутствии.

Она вскочила, уронила свой ежедневник, вежливый Светин кинулся его поднимать. Короче, образовалась маленькая неловкая куча-мала. Последнее, что она видела, когда обернулась на выходе из кабинета Кислицкого, была кривая улыбка мужчины в черных очках.

У себя в кабинете Тася первым делом схватила сигарету.

«Только бы не разреветься. Надо же, ну что за язык-то такой у меня мерзкий!» – думала она, нервно затягиваясь.

Через час к ней в кабинет ввалилась Эмма. Она плюхнулась в кресло у Тасинога стола и тяжело вздохнула.

– Уфф! Всё, уехали! Всем кагалом в организованном порядке!

– Эмма! А чего у нас нормального проекта транспортировки до сих пор нет? – поинтересовалась Тася.

– Есть, аж в трех вариантах – федеральная трасса, временная дорога через болото, ну и вертолеты. – Эмма заржала. – А хорош мужичонка-то?

– Который? – Тася сделала удивленное лицо.

– Кончай придуриваться! Ты ему тоже понравилась. Верь

мне, старая Эмма зря не скажет!

– Ага, точно понравилась. Особенно когда шутку свою про его очки пошутила.

– Да ладно, кто ж знал! У меня у самой на языке вертелось. Виданное ли дело, чтобы зимой в нашем болотном сумраке в солнечных очках ходить! Это больным на всю голову надо быть. Там... это... наш начальничек Кислицкий тебя просил зайти. Можно я пока у тебя тут тихонечко покурю?

– Кури. Сейчас будет клизму мне вставлять за неприличное поведение и будет прав. – Тася нехотя поплелась к Лени, оставив Эмму отдыхать у себя в кабинете.

Когда она заглянула в кабинет Кислицкого, тот сидел и строчил что-то в своем ежедневнике.

– Заходи, – устало сказал он, не поднимая глаз от своей писанины.

Тася зашла и села перед столом начальника. Кислицкий закончил писать, потер свой благородный лоб и посмотрел на Тасю.

– Анастасия Михайловна! – начал он, и это начало Тасе не понравилось. Уж больно официально. Обычно в отсутствии подчиненных он называл ее просто Тася, конечно, на «вы», но безо всякого отчества. Тася же звала его Лени и в глаза и за глаза. Он к этому давно привык, и Тасе казалось, что Кислицкому даже нравится именоваться на иностранный манер. – Вы, надеюсь, понимаете, что я вынужден вас терпеть на своем предприятии исходя из определенных

навязанных мне условий.

У Тася аж челюсть отвисла, обычно Ленни держал свои нежные чувства при себе. Впрочем, как и Тася.

– И я вас серьезно предупреждаю, – продолжал Кислицкий. – Еще одна подобная выходка – и я буду вынужден подать докладную записку вышестоящему руководству.

– Леонид Александрович! – Тася решила не уступать Ленни. «Кто к нам с мечом придет, тому мы этим мечом и наступим по толстой наглой заднице!» – подумала она. – Я полностью признаю свою вину в сегодняшнем инциденте, однако считаю своим долгом поставить вас в известность, что тоже вынуждена терпеть вас на данном предприятии исходя из определенных навязанных мне условий. И если мы с вами в своем терпении подойдем к концу, то ничего хорошего из этого не получится. Я ведь тоже докладные записки писать умею, и уверяю вас, оснований для этих записок у меня никак не меньше вашего!

Тася смело посмотрела Ленни в его бесстыжие красивые глаза.

– Ах вот вы как! – возмутился Ленни.

– Так! А вы чего ждали?! – огрызнулась Тася. Она отчетливо понимала, что хоть и виновата, но Ленни ни в коем случае нельзя показывать свою от него зависимость.

– Я ждал, что у вас совесть проснется.

– Это отчего же? Я сама переживаю, что заказчику нахамила! Так что она у меня не спит ни минуты. Совесть моя.

– Заказчик? При чем тут заказчик! Подумаешь, нахамила! Он от нас никуда не денется, заказчик этот!

– Что-то я не поняла! – удивилась Тася, в точности как давеча это сделал заказчик в черных очках.

– Я вам про веселье ваше неприличное! Вы ж постоянно всем своим видом демонстрируете, что не уважаете меня ни хрена! То спите на совещаниях, то хихикаете. Надоело мне ваше хихиканье наглое.

– Ленни! Вот вы о чем! Ну, простите меня. Я не хотела, анекдот вспомнила, пока Светин нудел. Вы же знаете, когда он нудит, сил никаких нет слушать. И не только у меня, заказчик, кстати, тоже, по-моему, еле выдержал, хорошо не побил никого. Он вроде мужчина решительный. – Тасе стало смешно. Здравствуйте, приехали! Она-то переживала, а оказывается, Ленни за свое самолюбие волнуется.

– И не называйте меня Ленни!

– Хорошо, Леонид Александрович. – Тася сделала книксен.

– Тася, прекратите паясничать, идите работайте.

– Так вы не будете на меня клязу в Москву писать? – Тася просительно изогнулась.

– Кыш отсюда, кому сказал! – Ленни со смехом замахнулся на Тасю своим ежедневником.

Тася прекрасно знала, что долго злиться на нее он не может. Наверное, где-то в глубине души Ленни все-таки был добрым человеком. Но уж больно глубоко!

– Иду, иду. – Тася, пятясь, приседая и кланяясь, вышла из кабинета. Ну и денек сегодня!

Вечером, когда она вышла с работы, на парковке оставались только три машины. Роскошная казенная БМВ Кислицкого и маленький красный автомобильчик, припертый Тасиным япончиком. Орешкин уехал, и красная машинка давно бы могла покинуть парковку. Однако осталась.

«Ни фига себе! – подумала Тася. – Неужели Эмма права, и у Ленни роман с финансовой гадюкой? Интересно, где они свои шуры-муры крутят, в комнате отдыха Кислицкого или в переговорной? Хотя там везде камеры стоят. Тьфу ты, господи!»

Снега не было, и с ясного неба на Тасю с доброй улыбкой смотрела абсолютно круглая луна. Тася помахала луне рукой и поехала домой. Как хорошо, что завтра суббота.

ВЕРА И ЕЕ СЕЛЬДЕРЕЙ

– Не, Тась, ты только глянь, как вышивает! У-у-у, морда наглая, глазом, глазом смотри, как зыркает! – Вера сидела на диване, положив ноги на журнальный столик. По телевизору показывали рекламу конфет. Там по заснеженному лесу вышагивал мужик, одетый барином, рядом с ним бежали красивые борзые.

– Это он, Вера, на охоту вышел. Видишь, собаки охотничьи. Только лошади у него нет, на лошадь, видать, денег не хватило. – На самом деле Тасе мужик из рекламы очень даже нравился, вот только взгляд у него действительно был несколько порочный. Нагловатый, знающий, что почем.

– Ага, на Снегурочку охотится. Ну дурища! Нет, правда, дурища! Ну чему реклама всех этих дур учит? Вот скажи, чему она твою Дуську научить может? – продолжала возмущаться Вера.

Хорошенькая молоденькая девушка на огромном экране телевизора кокетливо строила глазки старому ловеласу с борзыми собаками.

– Ты, Верка, как все буржуйки, настоящая тупица! – вклинилась в разговор Лена Штукина. – Реклама для обучения не предназначена, она для увеличения объема продаж делается!

Штукина потянулась к сигаретам, однако Вера стукнула

ее по руке:

– Раз я такая тупая, то кури свои, нечего к моим, буржуйским, на нетрудовые доходы закупленным, руки тянуть.

Штукина обиженно принялась шурудить в своей сумке.

– Лена, ты не права. Эта реклама на показанном в ней примере учит девушек тому, что если они не будут хорошо учиться, то им достанутся только такие старые женатые пердуны, как этот, – пояснила присутствующим Тася.

Вера заржала.

– Все правильно, ведь молодые пердуны в большинстве своем все-таки еще не женатые и любят девушек образованных! – Лена Штукина наконец выудила у себя из сумки сигарету и с блаженной улыбкой затянулась.

С Леной Тася училась в школе и дружила с самого первого класса, потом, поступив в институт, она подружилась с Верой, познакомила с ней Лену, и девочки стали дружить все вместе. Периодически они промеж собой поругивались и тогда дружили двое против кого-нибудь одного. Потом, правда, обязательно мирились. Наверное, поэтому их дружба выдержала уже не один десяток лет. Даже Тасиного Зайцева их дружба пережила. Правда, при нем эта дружба как-то ушла в подполье и представляла собой тоненькую ниточку. Но Тася всегда знала, что на конце этой ниточки ее непременно ждет сочувствие и помощь. Стоит только слегка подергать. А уж когда Тася избавилась от Зайцева, ниточка эта и вовсе превратилась в толстый канат. В последнее время, видимо,

возраст дал о себе знать, и подружки уже совершенно не ссорились, а просто подтрунивали друг над другом.

Лена на момент их общего знакомства была никакая не Штукина, а носила девичью фамилию Шерман и мечтала работать на телевидении. Для этого она даже после окончания своего филологического уехала на некоторое время в Москву. Из Москвы Лена вернулась сильно расстроенной, разведенной и с фамилией Штукина. О московском замужестве и его обстоятельствах она предпочитала помалкивать. По возвращении судьба закинула ее в детскую комнату милиции, из которой Штукина, имея недюжинные умственные способности, и выросла до майора отдела по борьбе с экономическими преступлениями. В процессе этого карьерного роста она еще раз сходила замуж за какого-то криминального авторитета, правда, фамилию уже менять не стала.

– С чем боролась, на то и напоролась! – говорила Штукина об этом периоде своей жизни.

Авторитет по итогам своей деятельности сбежал из страны куда-то то ли на Кипр, то ли в Израиль, оставив Лене несмываемое пятно на ее репутации в органах и очаровательного сына Валерку. С тех пор Штукина понимала, что звание полковника ей ни за что не светит и максимум, на что она может рассчитывать за свои заслуги перед отечеством и по выслуге лет, – подполковничьи погоны. Может быть, от этого при слове «полковник» со Штукиной делалось головокружение и полный снос башни. Глаза ее стано-

вились размером с серебряные монеты республики Малави, загорались волшебным светом, руки растопыривались, и Лена готова была следовать за любым нарисовавшимся около нее полковником на край света. Однако, а может быть, и к счастью, контингент полковников в большом городе Санкт-Петербурге был несколько ограничен. Кроме того, все они при ближайшем рассмотрении оказывались весьма и весьма женатыми. На нижестоящих по званию Штукина внимания не обращала, поэтому все свое время со страстью отдавала борьбе с экономическими преступлениями. Валерик же, как и Тася в детские годы, находился под присмотром бабушки и дедушки. В связи с этим Лена напоминала Тасе ее непутевую мамашу, однако на все укоризненные замечания она отвечала:

– Шерманы ребенка плохому не научат!

Иногда подружки с большим трудом все же отрывали Штукину от ее борьбы, захватов, дежурств и усиленных и даже заставляли брать с собой Валерика. Обычно, как и в эту субботу, встречались на «дачке» у Веры и ее Сельдерея.

Сельдереем в свое время прозвали Вериного мужа. Вера выскочила замуж раньше всех, еще на втором курсе. Именно тогда Тася прочитала в какой-то книжке, что сельдерей очень влияет на мужскую потенцию, увеличивая ее в разы, и решила поделиться с подружками этой замечательной и полезной информацией. Вера сразу почему-то решила, что ее муж со своей потенцией и есть сам по себе настоящий сель-

дерей. Кличка прижилась, и Верин супруг ничего против нее не имел. Прозвище-то, можно сказать, для мужчины очень даже лестное. Честно сказать, Тася, хоть убей, теперь уже и не помнила, как Сельдерея зовут на самом деле. Ну не спрашивать же у Веры? Да, собственно, а на фига? Сельдерея и Сельдерея.

«Дачкой» Вера называла их с Сельдереем загородный дом. В разгаре перестройки Сельдерея выкупил у разорившейся фабрики пионерский лагерь площадью два с лишним гектара и на месте тамошней столовки учинил самый настоящий распрекрасный замок. С башенками и прочими прибабасами. Кто хоть раз видел эмблему киностудии Уолта Диснея, может себе представить, как выглядела Верина «дачка». Замок вызывал у Таси умиление. Однако она со своим умилением и критическими замечаниями помалкивала, потому что очень уважала Сельдерея и Веру, которые за собственные деньги взяли и воплотили детскую сказочную мечту. Штукина, конечно, от критических замечаний не удержалась, заметив, что компетентные органы, глядя на эти хоромины, будут доподлинно знать, с кого еще можно кой-чего стясти. С этим согласились все, даже Сельдерея. Потом, правда, замок оброс соседями, которые тоже старались, кто во что горазд, продемонстрировать окружающим, а в том числе и компетентным органам, свое благополучие. Так что теперь уже Верина «дачка» попросту затерялась среди окружающих ее дворцов, особняков, замков, теремов и прочих

шато и шале.

Дуське очень нравилась Верина «дача», особенно бассейн с высокими венецианскими окнами. Бассейн был большой, и в него можно было прыгать с разбега «бомбочкой». Несмотря на свои пятнадцать лет и грудь практически третьего размера, Дуська больше всего на свете любила прыгать этой самой «бомбочкой».

У Веры на «дачке» вся их компания обычно собиралась зимой. Летом же Тася с Дуськой жили на дедушкиной даче и принимали гостей у себя. Там, правда, бассейна не было, но присутствовало озеро, в которое тоже можно было сигать этой самой «бомбочкой» и где Тасин дедушка оборудовал собственный пляж и лодочный причал. Сельдерей привозил на озеро водный мотоцикл, и они гоняли на нем все по очереди.

В эту субботу на Вериной «дачке» было особенно хорошо. И сам дом, и лес вокруг напоминали иллюстрацию зимней сказки. Казалось, что вот-вот в этот самый момент из-за деревьев выйдет волшебный олень и спросит, не надо ли куда отвезти девочку Герду.

Дуська материнские восторги по поводу сказочной зимней природы не разделяла и прогулке на свежем воздухе предпочла прыжки «бомбочкой». Валерик радостно составил ей компанию. Тася, Вера и майор Штукина, спровадив детей в бассейн, немного прогулялись, даже снежную бабу-майора вылепили с кобурой и погонами, а потом устро-

ились в огромной гостиной напротив телевизора и пили замечательное красное сухое вино. Из погребов, как говорила Вера. На «дачке» был специальный винный погреб, где поддерживалась определенная температура и влажность.

– Ох уж эти старые пердуны! О чем они толь ко думают? Она ж его раза в три моложе. Педофилия в чистом виде. Самая настоящая, – продолжала возмущаться Вера, следя за происходящим на экране.

Тася помалкивала. Дело в том, что как-то, выгуливая очередного представителя заказчика в модном ресторане, Тася встретила там Сельдерея, который недвусмысленно обжигался с какой-то молоденькой девицей. Сельдерея, увидев Тасю, конечно, испугался и жалостно так на нее посмотрел. Тася сразу вспомнила, как он приволок им с Дуськой новый телевизор, взамен того, который упер у них Зайцев.

– Ребенку без телевизора никак нельзя, – сказал тогда Сельдерея, устанавливая им новый огромный плазменный экран. – Мы с Верой решили вам подарок сделать, в честь развода. И не вздумай отказываться!

Тася понимала, что подарок решила сделать, разумеется, Вера, но деньги-то она тратила Сельдереевы. Опять же сам приволок и установил. А кроме того, неизвестно, правильно ли будет лезть к Вере с информацией о том, с кем она видела Сельдерея. Вон сколько по этому поводу разных книжек написано да фильмов снято, и никто все равно толком не понимает, что нужно делать, если ты поймала мужа подруги на

измене. А вдруг это еще и не измена вовсе? Тася не только ничего не сказала Вере, но даже ни на минутку, ни на долю секунды не проболталась об увиденном Лене Штукиной. Штукиной только скажи. Моментально расследование проведет и всех на чистую воду выведет. И пока Тася не уверена, кому от этого расследования сделается лучше, она будет молчать, как партизан.

Тася тогда в ресторане просто показала Сельдерею кулак и теперь постоянно мучилась угрызениями совести.

– Я, девочки, когда рубашки ему наглаживаю, всегда думаю, что ежели он в этой рубашке мне изменяет, то все – вешалка! Это же предательство самое настоящее. Понимаете, рубашки и еда – вещи очень личные. Я к ним душу свою прикладываю. Иначе нельзя. И он сейчас такой, какой есть, холеный и красивый, благодаря этой вот части моей души. Но ведь, заметьте, именно ухоженные и холеные дядьки девкам пустоголовым обычно и нравятся. Вы ж видали небось мужика заброшенного? Глаза в разные стороны, худющий да обшарпанный. Кто на такого позарится? Кому он нужен? Вот, допустим, если б я Сельдерея своего магазинными пельменями, полуфабрикатами разными кормила да рубашки домработнице гладить доверяла, то тогда другое дело – пожалуйста, ходи хоть направо, хоть налево. Только кому ты нужен будешь? Так что, пока я ему паровые котлетки делаю, ни-ни. Все хозяйство ему пообрываю, нечем сельдереять будет. – Вера воинственно махнула рукой, демонстрируя, как она бу-

дет обрывать Сельдерею хозяйство.

– Так, может, прямо с сегодняшнего дня и начнешь? – поинтересовалась Штукина.

– Чего? – не поняла Вера.

– Ну, хозяйство обрывать да пельменями его мучить. Чего зря время тратить, измены дожидаться, – пояснила Штукина свою мысль.

– Любишь ты, Вер, Сельдерея своего. – Тася во всем была согласна с Верой. Вон, взять хотя бы того типа в рекламе конфет, ведь ежу понятно, что женатый! Такой холеный весь. Прохвост. Однако никто к рубашкам и котлетам без любви душу свою не прикладывает.

– Люблю, конечно, особенно сейчас. Как мне его теперь не любить-то? Мне без него труба. У нас эксплуатация только «дачки» нашей в две штуки евро ежемесячно обходится.

У Веры раньше был свой маленький бизнес по пошиву корсетных изделий, однако несколько лет назад во время рейдерского захвата он приказал долго жить. Конечно, рейдеры захватывали не Верин бизнес, он для них – «тьфу и растереть», а промплощадку, где располагался Верин небольшой цех. Площадка находилась в непосредственной близости от центра города и просто напрашивалась под строительство очередного бизнес-центра. И никакие договоры долгосрочной аренды, юристы и связи Вере не помогли. Даже боец с экономическими преступниками и их преступлениями майор Штукина ничего не смогла сделать. Штукиной кон-

кретно намекнули, что против лома нет приема, а Вере для начала обрубил электричество, потом пришли пожарники, санэпидемстанция, а в апофеозе приехал некий специальный отдел налоговой инспекции с выемкой документов и арестом всех счетов. Вера тогда собрала все оставшиеся товарные запасы и отволокла эти лифчики в налоговую, прямо в кабинет начальника, пожелав ему носить это все долго и счастливо. На этом Верин бизнес закончился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.